

Владимир Титов

Золото колдуна

Владимир Титов

Золото колдуна

«БИБЛИО-ГЛОБУС»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Титов В. В.

Золото колдуна / В. В. Титов — «БИБЛИО-ГЛОБУС», 2017

ISBN 978-5-906830-84-5

Четверо юных друзей держат путь к заброшенной усадьбе, окутанной ореолом страшных легенд. Им предстоит помериться силами с кровожадными выходцами с того света, чудовищами в людском обличье и подземными монстрами. Их ждут опасные приключения, отчаяние и надежда, зов пустых деревень, зачарованные клады, встречи с призраками прошлого и древними Богами, что неузнанными ходят среди людей. Им доведётся не раз посмотреть смерти в глаза и испытать на прочность дружбу и любовь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906830-84-5

© Титов В. В., 2017
© БИБЛИО-ГЛОБУС, 2017

Содержание

Глава 1. Четверо на лесной дороге	7
Глава 2. Заколдованный замок, медный таз и летающий ботинок	13
Глава 3. Где-то мы не туда свернули...	19
Глава 4. Пропавшая грамота, быдло-апокалипсис и сковородка со струнами	24
Глава 5. Добро пожаловать, гости дорогие!	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Титов

Золото колдуна

© Титов В., 2017

© 000 Издательский дом «Библио-глобус», 2017

* * *

Автор благодарит
Надежду Кривонос,
Анастасию Медисон,
Бориса Федотова,
а также художника Екатерину Бакулину за их неоценимую помощь в издании этой
книги

Опять восход и вновь закат,
А ты, мой друг, мне почти как брат,
И нам с тобою бродить по свету не ново,
А если мы делали привал,
Ты мне вина всегда наливал,
Ведь кендер кендера поймёт с полуслова.

Я хохолком своим клянусь,
Что я с тобой ничего не боюсь,
И сможем мы преодолеть легко все преграды,
А если будем в таких краях,
Где перемолвиться словом нельзя,
То кендер кендера поймёт с полувзгляда.

Пусть называли ворами не раз,
Люди и гномы – все против нас,
Но есть у них повод смотреть на нас сурово.
Когда у эльфа ты меч украл,
Я вместе с тобой от него удирал,
Ведь кендер кендера поймёт с полуслова.

Как-то дракон нас атаковал,
Меня не раз ты в бою спасал,
Хоть я говорил – рисковать за меня не надо.
Когда на тебя нападает враг,
Его достанет и мой хупак,
Ведь кендер кендера поймёт с полувзгляда.

И мы идти продолжаем вперёд,
Ты будь уверен, что нам повезёт,
А если враг на наш клинок полезет снова,
Крепка рука и верен глаз,
Идём мы в бой не в первый раз,

Ведь кендер кендера поймёт с полуслова.

*Яна «Чароит» Григорьева (exХельга эн-Кенти)
«Кендерский гимн»*

Зов пустых деревень
Гложет душу в объятьях ночи.
Взора прошлого тень
Вижу в зареве талой свечи.
Вижу я в кронах древ седых
Лунной пыли огни,
Что сольются в объятьях родных
С сердцем мертвой земли.

Зов пустых деревень –
В россыпи звезд лунного храма.
Зов пустых деревень –
Пьяной волшбою сердце томит.
Зов пустых деревень –
Немо хранят стражи тумана –
Зов пустых деревень –
Тайну схронов мертвой земли.

Маша «Scream» Архипова «Зов пустых деревень»

Глава 1. Четверо на лесной дороге

Жара.

Всё в мире замерло. Ни один листок не колыхнётся, ни одна былинка не шелохнётся. Кажется, сам ветер почёл за лучшее укрыться от огненного взора Солнца.

Орёл, выписывающий в небе круги, засёк движение далеко внизу. Четыре фигурки двигались по заросшей кустарником прогалине. Нет, это неподходящая добыча. Это двуногие, а они славятся умением посылать гремющую смерть, которая настигает жертву на невообразимо огромном расстоянии от убийцы. Да и великоваты двуногие, даже детёныши, а эти, судя по всему, взрослые.

Орёл шевельнул крылом, заложил вираж и ушёл в сторону.

– Вон, смотрите, какой-то хищник летает! – сказала идущая по малозаметной тропке девушка.

Она была небольшого роста, круглолицая, сероглазая, с чуть вздёрнутым носиком и ямочками на румяных от природы щеках, которые сейчас ещё больше покраснели от жары и ходьбы. Вряд ли её можно было назвать стройной, однако она была крепенькая, ладная, и свой вместительный рюкзак несла легко и непринуждённо, хотя он был наполнен отнюдь не воздухом. На юной путешественнице были просторные штаны болотного цвета, брезентовые берцы и выгоревшая до белизны короткая штормовка, распахнутая по случаю жары. Под штормовкой у неё был только тёмно-синий верх от купальника, придерживающий пышный бюст. Пепельно-русые волосы, собранные в хвост, спадали из-под «афганской» панамы.

– Ага, вижу, – откликнулся шедший впереди рослый крепкий парень в военных штанах и футболке оливкового цвета. – Петро, это, наверное, тот самый орёл, который перо потерял.

– Предлагаешь догнать его и перо вернуть? – откликнулся его товарищ, замыкавший строй. У него на бейсболке было закреплено большое пёстрое перо, и видно было, что её владелец гордится таким украшением. Он был пониже ростом, сложен чуть попроще и облачён в синий милицкий камуфляж.

– Да он уже забыл про него, – хмыкнул шедший впереди.

Четвёртый участник маленькой экспедиции – худенькая девчушка, которая шла между крепышкой и Петром – торопливо извлекла из рюкзака планшет и стала снимать парящего орла.

– Далеко, Насть, всё размыто будет, – сказала крепенькая девушка. – Жаль, красавец такой.

– Это ещё Васьки нет, – отозвался парень, который шёл впереди. – Тогда бы мы тут на полчаса застряли, пока она бы кино снимала. А если бы этот орёл на неё покакал, она бы потребовала, чтобы я его застрелил. – Он сложил руки на прикладе двустволки, висевшей у него на груди.

– А ты бы застрелил? – спросила Настя.

Она представляла собой полную противоположность своей товарки: тонколицая и тонкотелая, бледненькая, с каплями испарины на лице, которые она то и дело смахивала или слизывала. Розовая обтягивающая футболка была украшена стразами и семенами череды, которые путешественница то и дело принималась выдирать. Черета густо усеяла и короткие белые шортики, и шнурки на кроссовках.

– Я что, похож на дурака или живодёра? – вопросом на вопрос ответил юный стрелок. – Слушай, Надия, – он сделал ударение на первом слоге, – а мы поворот не прозевали, а?

– Родион, всё о-кэ, – сказала плотненькая девица. – Я пять минут назад смотрела в распечатку, идём как по ниточке.

Судя по интонации, с которой Надия ответила Родиону, его сомнения в правильности маршрута успели ей поднадоесть.

– Просто мой внутренний компас говорит, что мы протопали лишних три-четыре километра... – заметил Родион.

– Кстати, да, – подал голос Пётр. – Судя по гугл-карте, мы забрали слишком влево.

– Ичё?

– Надо свернуть вправо.

– Спасибо, Капитан Очевидность! – фыркнула Надия. – А почему не назад? И не вверх? Парни, вы меня ещё вчера задолбали. Я что, не вывела вас, куда надо?

– Вывела, – согласился Родион. – Как обещала, к водохранилищу. Только не к правому, а к левому берегу. Интересно, как это получилось?

– Потому что у одного «внутренний компас», а у другого – гугл-карта, и оба знают, куда идти, только каждый показывает в свою сторону! – рассердилась Надия. – Кто на повороте в поле орал, что надо идти прямо? Ты, Петенька!..

– По гугл-карте там было ещё четыре километра до поворота, – возразил «Петенька».

– ...А не ты ли, Родик, перепутал восток с севером? – продолжала Надия. – Ах да, небо обложилось, а ты без солнышка не найдёшь, где север, где юг...

– Ладно, не заводись, ты же – наша единственная Надежда, – скаламбурил Родион. – Куда мы без тебя! Пропадём!

– Вот единственный нормальный человек в экспедиции – это Настюшка! – сказал Пётр. – Не спорит, идёт, куда скажут, делает, что надо...

– Да ну, я не умею ничего, только мешаюсь! – обиженно ответила Настя. – Вы мне даже рюкзак нормальный не дали! Вон, Надька тащит рюкзак, как парень.

Надия ободряюще улыбнулась.

– Ты на Надьку не смотри, – сказала она, – у Надьки родители – маньячные туристы, Надька в первый поход пошла в шесть лет, правда, половину маршрута проехала у отца на плечах. Ладно, мальчики, вы точно уверены, что надо свернуть направо?

– Смотри, Надь, – Родион достал из кармана карту, отпечатанную на листке формата А4. – Вот мы. Вот тропка, на которую мы должны были свернуть. Если мы сейчас возьмём резко направо и чуть-чуть назад, мы выйдем на неё там, где она подходит к реке. А оттуда до твоего зачарованного королевства – километров десять.

Надия ненадолго задумалась.

– Ладно, Род, под твою ответственность. Будем ломиться через лес. Настенька, влезай в свой комбез.

– Да ты что? – с неподдельным ужасом воскликнула Настя. – И так жарщица! Я ж в нём вообще сварюсь! Я вчера чуть не сдохла в нём!..

– А без него ты обдерёшься. Это лес, а не парк Сокольники. Давай облачайся, мы подождём. Заодно отдохнём немного, – сказала Надия и первая стала снимать с плеч рюкзак. Парни последовали её примеру.

Настя, горестно вздыхая, достала из рюкзака зелёно-белый ком, оказавшийся камуфляжным комбинезоном. Пока она шуршала одеждой, остальные рассматривали лес.

– Я готова! – послышался голос Насти.

В костюме разведчика, мешковато сидевшем на её хрупкой фигурке, особенно с затянутым капюшоном, она смотрелась очень забавно и трогательно. Она сама понимала это и улыбалась смущённо и отчаянно.

– Ну, вот и славно, – сказал Родион, легко вскинул на плечи свой крупногабаритный рюкзак и шагнул вперёд, в зелёный сумрак. Рослый, жилистый, ширококостный и при этом достаточно стройный, с лицом плакатного арийца, он, казалось, не замечал тяжёлой ноши. Скупые и плавные движения наводили на мысль о сильном, ловком и опасном хищнике.

Девушки двинулись следом. Замыкал строй, как и прежде, Петя. Видно было, что он во всём старается подражать Родиону, но это не всегда получается. Родион не шёл, а тёк по лесу, почти не производя шума – во всяком случае, так казалось Пете, который то и дело за что-то зацеплялся, неприлично громко хрустел сухими сучьями и пару раз даже споткнулся.

Над головами путешественников прокричала какая-то птица.

– Дятел, – определила Надя.

– Ты так уверена? – спросил Петя.

– Ага. Я как-то раз у нас в саду видела. Это дятел.

– Ты всех птиц по голосам знаешь? – спросила Настя.

– Не всех, но многих... Эй, Родик, осторожнее! Всех клещей на меня обтряс! – (Родион, шедший впереди, неудачно придержал ветку, и она сильно хлестнула Надию).

– Извини, Надюшка...

– Надя!

– Само собой. Но насчёт клещей ты перегнула.

– Эт почему-то?

– Потому, что клещи выше метра-полтора вообще не забираются.

– Родик, кому ты это рассказываешь? Я в походы ходила с дошкольного возраста, не забывай! Так что про клещей знаю побольше некоторых!

– А меня отец и старший брат впервые взяли на охоту, когда мне не было девяти лет. Так что сказки про клещей, которые кидаются на свою жертву с высокого дерева, побереги для детей асфальта, ладно? Клещи переползают из травы либо с низких кустов, это да. С веток они не прыгают.

Тема клещей была подхвачена с энтузиазмом. Петя вспомнил, как у него умирал от пироплазмоза любимый пёс, которого укусил клещ. К концу истории девушки подозрительно хлюпали носиками. Чтобы развеять обстановку, Родион решил рассказать про клещевой энцефалит:

– Если очень повезёт, энцефалит проходит без лечения. Как насморк. Если просто повезёт – помрёшь... – разглагольствовал он.

– Ни хрена себе везение! – проворчал Петро.

– Именно что везение. Потому что если очень не повезёт, ты останешься жить, но тебя парализует. Одну руку... но чаще обе. Вдобавок ослепнешь и оглохнешь. И самое весёлое – это не лечится. Если через день-два после того, как тебя кусанул энцефалитный клещ, ты не отдашься добрым врачам-убийцам – пиши пропало.

– Какая прелесть... – немного дрожащим голосом отозвалась Настя. Теперь на каждой ветке ей мерещились микроскопические бестии, грозящие смертью или мучительным увечьем.

– Не дрожи, малышка, – приободрила её Надя. – Мы же не в тайге. В Европейской России энцефалит мало распространён. Вот в Сибири – другое дело, вот там да – в лес без куртки с капюшоном лучше не соваться.

– А ещё можно подцепить энцефалит через сырое молоко! – продолжал нагнетать страсти Родион. – Так что парным молочком из-под коровки лучше не соблазняться.

– Спасибо, не хочется, – откликнулся Петро из арьергарда. – Мы как-то раз в деревне купили свеженького молочка, а оно навозом воняло.

– Это значит, хозяйка – дура и неряха, – сказала Надя. – Чтобы молоко не воняло навозом, доярка должна мыть сиськи тёплой водой. Корове тоже.

Настенька засмеялась первой, через секунду заржали парни, до которых каламбур почему-то дошёл с опозданием.

Постепенно разговоры угасли. Идти по густому лесу, заросшему кустарником и заваленному буреломом, было нелегко. Несколько раз путь преграждали поваленные деревья.

Родион, помахивая мачете «боло», лихо срубал торчащие сучья, и путешественники перелезали через ствол. Один раз путникам попались следы жизнедеятельности кабанов, и Родион серьёзно посоветовал девушкам в случае встречи с их производителями бросать рюкзаки и лезть на ближайшее дерево.

– А мы останемся на земле и будем изматывать противника бегом, – отозвался Петро.

Настя в ответ что-то невнятно пробормотала – она снова пила из фляжки. Отлепив горлышко от губ, она взвесила фляжку на руке, поболтала, слушая плеск воды, и вздохнула.

Родион подошёл к ней и без разговоров отобрал фляжку.

– Отдай! – чуть не заплакала девушка.

– Держи. – Родион протянул ей свою.

– Это же твоя...

– Я знаю. И, в отличие от твоей, она полная. Бери.

– Спасибо, Родик, – тихо сказала Настя.

Надя весело хмыкнула.

Эти маленькие приключения отвлекали от однообразия нелёгкой дороги. Через два часа, когда Настя, сгорая от стыда за своё безволие, приканчивала родионову фляжку, впереди показался просвет. Ещё через минуту четвёрка стояла на берегу заболоченной речки.

– Пришли. Что дальше? – спросила Надя.

– А дальше – подождите, – ответил Родион, спустил на землю рюкзак и целеустремлённо отправился куда-то вверх по течению.

– Пошли, Петро! – сказал он, вернувшись через несколько минут.

– А мы? – спросила Надя.

– Ну, пошли с нами.

Родион привёл спутников к полузасохшей берёзе, которая росла у самого берега.

– Вот, – сказал он, похлопывая дерево по стволу. – Свалим и перейдём на ту сторону. Как раз хватит. А то чё-т неохота вброд лезть.

Со стороны реки ствол подрубили топором, а потом Петя и Родион принялись резать берёзу складной цепной пилой. Поначалу пилу постоянно заедало и перекашивало, так что известная мать была помянута не раз и не два, но вскоре парни приспособились, и дело пошло на лад. Девушки уселись поодаль на пенопластовом коврик.

– Устала? – спросила Надя.

– Немножко, – улыбнулась Настя. Она сняла куртку и взъерошила короткие каштановые волосы, потемневшие от пота. – Да не, нормально всё. На практике тоже, вспомни, будь здоров сколько ходили...

Надя сбросила штормовку и сладко потянулась. Настя стянула мокрую от пота футболку, оставшись в бежевом бюстгальтере, который не столько закрывал, сколько создавал видимость.

– Нет, ну твою ж мать!.. – донеслось с берега.

– Петруччо, не выражайся, здесь дамы, – прогудел Родион. – Чё, опять заело? Нет, ну йоппт... Смотри: надо дёргать сильно, резко, но чтоб не было перекоса. Понимаешь?

– Да понимаю, не дурак...

Из рюкзака Насти вдруг зазвучала тема из «South Park».

– Твою ж мать... – прошептала Настя. – Это, кажется, опять он. Блин... – Она вскочила, распустила ремешок и извлекла на свет божий розовый планшет. На дисплее высветилось лицо парня в зеркальных очках.

– Блин... где же... ах, вот оно! – Настя вытащила из рюкзака косметичку, обтёрла платочком лицо, на счёт раз-два привела в боевое состояние помаду и подкрасила губы. Потом она пригладила волосы,хватила из рюкзака томик Мураками, бросила его на коврик и

сама улеглась рядом, держа перед собой планшет. Убедившись, что приготовления сделаны, она выдохнула и нажала на кнопку видеосвязи.

– Привет, котёнок! – сказал возникший на дисплее парень. На нём сейчас были не зеркальные, а обыкновенные очки, а квадратное лицо излучало надёжность. – Как ты там?

– Ой, медвежоночек, ты знаешь, меня тут родаки уволокли на дачу! Воображаешь? – Голос Насти был таким непритворно-обиженным, что ей самой стало жалко. – Я отбивалась всеми четырьмя лапами, но им же всё по барабану. Говорю: «Что мне там делать?» А они: «А хочешь, ничего не делай!» Вот, лежу, читаю... Папа с Серёжкой дрова пилят...

– Ч-чё-орт... Карапузик, мы же вчера договаривались, что сегодня вечером встретимся...

– Нет, ну а что я могла? Думаешь, они меня одну оставят? Ага, щаззз! Я для них дитятко неразумное. Они, наверное, думают, что мы и с тобой только за ручку ходим и целуемся раз в неделю.

– А что, нет? – Собеседник ухмыльнулся и подмигнул. – У тебя и ручками хорошо получается... И губками...

Надия, которая всё отлично слышала, сидела с каменным лицом.

– Молодой человек, вы переходите все границы! – Настя погрозила собеседнику пальчиком. – Не забывайте, я девушка благовоспитанная, и такие гадости, о которых вы тут говорите, даже вообразить не могу!

– А я вот тут сижу и воображаю...

– Семён! У тебя что, спермотоксикоз? Чего тебя так разобрало? Ты вроде бы работать остался, а не воображать!

– Ну не дуйся, мой котик! Ты вот что скажи – тебя надолго увезли?

– Дня на три. В субботу возвращаемся. Сёмочка, милый, раньше никак не получится, ты пойми!

– Ну ладно, – Семён улыбнулся. – Не скучай там...

– Ну я так по тебе соскуууучилась!

– И я по тебе, котёночек. Ну ладно, у меня тут работы ещё – конь не валялся. Целую, девочка моя. А ты меня поцелуешь в писю?

– Ни за что! Потому что ты хулиган и меня смущаешь! Пока-пока, мальчик-хулиганчик, не балуйся без меня! – Настя чмокнула экран, нажала отбой и со стоном зажала лицо руками.

– Блииин! Надь, ты никому не рассказывай, ладно?

– Да успокойся, я дура, что ль? – фыркнула Надия. – Это ваша личная жизнь. Хоть ручками, хоть ротиком, хоть кандибобриком...

Настя не выдержала и лягнула подругу в бок, та закрылась локтем.

– Ну, пройдут три дня, а потом что придумаешь? – спросила Надия.

– Что-нибудь. Где наша не пропадала.

Со стороны берега послышался треск и междометия, означавшие удовлетворение достигнутым результатом.

– Переправа готова! – крикнул Петя. – Девчонки, поднимайтесь!

Родион рассчитал всё правильно: берёза, зацепившись комлем у самой кромки воды, половиной усохшей кроны захватила противоположный берег. Надия, придерживаясь руками за траву, толкнула берёзу ногой – раз, другой, посильнее, потом решительно встала на неё обеими ногами и попрыгала. Берёза лежала как влитая.

– Отлично. Комиссия принимает мост. Пройдём как по проспекту.

– Не свалимся? – спросила на всякий случай Настя.

– Да хосспадя... наивный ребёнок! Родик, давай вперёд. Возьми паракорд,крепишь там.

– Да не вопрос, – хмыкнул Родион. Он закрепил на суку могучей ветлы саморазвязывающийся узел и зашагал по поваленной берёзе, разматывая паракорд.

Он шёл как по каменному мосту – легко и непринуждённо... Потом все, кто стоял на берегу, говорили, что у них возникло какое-то нехорошее предчувствие – но всё произошло слишком быстро, чтобы предупредить. Как бы то ни было, дойдя до середины реки, Родион повёл себя странно: остановился и принялся махать руками, выкрикивая что-то энергичное: удалось разобрать слова «мать» и «сколько же вас тут». Затем он без видимых причин сиганул с берёзы в реку. Мутная вода скрыла его с головой.

– Да вашу мать! – некультурно заорал он, выныривая. Вода доходила ему до плеч. – Суки! Шершни! Целое гнездо! Тяните меня! Нет, валите отсюда, а то они сейчас на вас налетят! Ай, пошёл вон, сука! Тяните, меня засасывает!

Не совсем поняв, что случилось, Пётр и Надия схватились за паракорд и принялись рывками вытягивать злополучного первопроходца. Настя испуганно причитала, но под руки благоразумно не лезла, понимая, что неумелый помощник в таком замесе может нарваться на оскорбление словом – а в худшем случае и на оскорбление действием. Родион отфыркивался, пытался подгрести и время от времени громко желал чьей-то матери счастья в личной жизни.

Происходящее напоминало сюрреалистический спектакль по мотивам творчества Корнея Чуковского, а именно – эпизод вытаскивания бегемота из болота.

Скоро Родиона подтянули к спасительному берегу.

– Пху... кррх... фх... – он отхаркнул какой-то бурый кисель. – Вы бы их видели!.. Настоящие чудовища!

– Родик, видел бы ты себя сейчас. Ты не лучше, – посчитала нужным заметить Надия.

Родион и в самом деле напоминал болотную нежить: перемазанный илом, с тиной в волосах и с кокетливо прицепленной за ухом веточкой какого-то подводного растения.

– Вся в грязи и в жопе ветка – это в бой идёт разведка! – неожиданно для всех продекламировала Настя.

Несколько мгновений все молчали – не верили, неужели и вправду ЭТИ нежные губки произнесли ТАКИЕ слова. А потом Петя, Надия и Родион дружно грохнули, да так, что почти выбравшийся на берег первопроходец кувыркнулся обратно в реку, а Петя, пытавшийся его удержать, сам свалился за ним.

Утирая слёзы, Надия с помощью стеснительно хихикавшей Насти поочерёдно вытянула парней за шиворот на материк. Если бы она не применила силу, мужская половина экспедиции долго бы ухажывалась в грязи, точно самые счастливые в мире кабаны.

Глава 2. Заколдованный замок, медный таз и летающий ботинок

Полмесяца назад они сидели в камералке университетской геостанции. В углу стола лежали рулоны ватмана с намеченной триангуляцией. Крупный ночной мотылёк, фырча крыльями, носился под потолком.

Почти все члены бригады разошлись – кто спать, а кто продолжать банкет в домиках студенческого лагеря. Влад, весь вечер скрипевший на губной гармошке, отчалил одним из первых – вслед за пепельноволосой губастенькой Светочкой, на которую у него были определённые виды. Многие порадовались его уходу, потому что губная гармошка хороша в гомеопатических дозах.

– Сия война на нас одних будет, – изрёк Родион, поднимая за горлышко двухлитровый пивной баллон (ещё один баллон такого же размера и две полуторалитровки, опорожнённые соединёнными усилиями всей бригады, уже валялись под столом). Самые стойкие полуночники – Петя с Надей, которая требовала от всех, чтобы её звали Надия и никак иначе, кукольно-красивая Василиса, Родионова пассия, и Настя, которую Василиса втайне недолюбливала, однако всячески покровительствовала ей, потому что Настя славилась вниманием и усидчивостью и к ней всегда можно было обратиться за помощью – придвинули свои кружки. Родион щедро налил всем пенящегося напитка, не забыв и себя.

– Прозит! – улыбнулась Василиса, и все со вкусом отхлебнули по большому глотку. На самом деле пиво было дрянь. Но когда тебе нет и двадцати, когда ты сидишь тёплой летней ночью в кругу друзей и подруг, и сам воздух, кажется, напоён юностью и задором, и впереди ещё почти целое лето, полное приключений – даже паршивое пиво кажется амброзией.

Василиса выпила свою порцию до дна, затем, не дожидаясь других, налила себе ещё полную кружку и решительно опрокинула в себя.

– Ты что-то увлеклась, крошка, – заметил Родион.

– Да я, можно сказать, горе заливаю, – ответила Василиса. – Я, Родичек, сегодня узнала, что моя поездка в Мексику накрылась медным тазом!

– Что случилось-то? – спросил Родион.

– Моего папашу неожиданно потянуло к земле! – раздражённо ответила Василиса. – Он внезапно купил участок в каких-то пердях, и теперь бабло, отложенное на Мексику, зароят в *дерьмово-подзолистые* почвы! – Василиса вздохнула сквозь зубы, выщелкнула из пачки сигарету, прихватила её губами и чиркнула «зиппо». Поскольку она давно начала «заливать горе» и её движения были несколько раскоординированы, она невольно продемонстрировала правоту поговорки про дурака и стеклянный сувенир: зажигалка жалобно крикнула, упала на пол и распалась. Василиса не по-девичьи выругалась и пинком отправила останки зажигалки в угол. – Вот ведь говенный день, все как сговорились меня выбесить!

Петя протянул ей свою зажигалку. Василиса прикурила, выпустила кверху струйку дыма и благодарно кивнула.

– А что, он большой участок купил? – поинтересовался Петя.

– Да нет, не очень. И сама земля стоила копейки. Тыщу баксов за пятнадцать соток, – ответила Василиса. – Только папаша затеял стройку, и на неё ухнули все наши накопления. Блин, это финиш, в натуре! Мать в ахуе, Алинка в ахуе, я в ахуе, а ему хоть бы хрен – папенька у нас землевладелец!

– Ну и правильно, – бестактно заметил Родион. – Мексика, она никуда не денется, а своя земля – это своя земля.

– Ты ещё! – злобно фыркнула Василиса. – Вы бы с ним отлично спелись! А где я лето проведу, где я отдохну после учёбы, вы знаете, умные мои? На стройке? И как я там буду развлекаться? Глину месить с молдаванами?

Почтенное сообщество не успело осознать двусмысленность последней фразы – скорее всего, Василиса и не имела в виду ничего такого, просто от огорчения и пивных пузырьков забыла думать о двойном донце некоторых выражений – как Надия выступила с предложением, которое круто изменило судьбу всех присутствующих.

– Слушайте, у меня идея! – заговорила она. – Насчёт того, где провести лето и так далее. Кто хочет после практики пойти со мной в экспедицию к чёрту на рога?

– Ну, если в прямом смысле к чёрту на рога – я за! – решительно заявила Василиса.

– В самом прямом, Васенька, – серьёзно ответила Надия. – Слушайте. В наших лесах есть очень странная усадьба. Чуть ли не заколдованная. Я не шучу. В восемнадцатом веке ею владели дворяне Рудневы: не особо знатные, не графы и не князья, но богатые. Говорят, в усадьбе стоял трёхэтажный дворец, а парк не уступал Петергофу и Летнему саду: там была мощёная аллея, а по бокам стояли изваяния греческих и римских богов, в пруду били фонтаны и так далее. На какие средства Рудневы так шиковали – непонятно. Небольшое село, которым они владели, пришло в упадок и обезлюдело ещё при Петре, мужчины Рудневы, как полагается, служили офицерами, но это давало больше расходов, чем доходов. Болтали про них разное. Кто говорил – они льют в подвалах фальшивые монеты, кто-то распускал слухи, что они возглавляют целую армию разбойников, и те им платят дань... вот такая козачья усадьба восемнадцатого века. Самой популярной версией было, что старший Руднев, который родился ещё при царе Алексее Михайловиче, продал душу дьяволу.

– Понятно! Откуда же ещё! У нас так всегда: раз богатый – значит, подонок, душу чёрту продал! – не удержалась Василиса.

– Кому он там продал душу – чёрт его знает, но богатство им не пошло впрок, – продолжала Надия. – Все Рудневы рано умирали: кто от чумы, кто от холеры, кто, как тогда говорили, «от горячки». Кого-то убивали разбойники. Мужчины погибали в войнах, едва успев оставить потомство, которому тоже не жилось. В конце концов от всей семьи остались старик Руднев и его правнучка. Старик, говорят, к концу жизни стал злым и нелюдимым, но правнучку любил...

– Плотики, – добавил Родион.

– Не исключено, – кивнула Надия. – Очень даже не исключено. Во всяком случае он гонял от порога всех окрестных дворянчиков, которые набивались в женихи девчонке. А желающих было много, потому что девчонка была единственной наследницей рудневского богатства. Да и красивая, как говорят... Но однажды в имение заехал офицер, который скакал в Петербург из армии Михельсона с каким-то дико важным пакетом. Он насмерть загнал своего коня и надеялся, что помещик даст ему лошадь из своей конюшни. Это было, забыла вам сказать, в самый разгар пугачёвщины. Разумеется, правнучка старика Руднева влюбилась в офицера, и тому не составило труда уговорить её бежать. Они заседлали двух коней, никакого барахла, конечно, брать не стали, чтобы не привлекать внимания старого чёрта, и были таковы. Но старый колдун узнал об этом, бросился в погоню и, конечно, догнал, едва они успели отъехать версту от усадьбы. Девчонка всё-таки плохо умела скакать верхом. – Фраза прозвучала двусмысленно, но никто даже не хмыкнул. – Старик догнал их возле моста через ручей, который был границей имения Рудневых. Даже не догнал, а каким-то чудом оказался там раньше них. Продал он душу дьяволу или нет, а что-то с ним было нечисто...

... Чёрный недвижимый всадник стоял на мосту, подобный монументу знатного италийского кондотьера. И, хотя лица издали было не разобрать, беглецы поняли, кто пересёк им путь.

– Дединька! Господи, спаси и сохрани! Пропали мы, голубчик мой! – испуганно зашептала юная девица в дорожном плаще, сидевшая в седле самым непотребным образом – по-татарски, ноги на разные стороны.

– Не бойся, милая, – ответил её спутник, драгунский подпоручик, лицо которого ещё не знало бритвы, но уже украсилось шрамом – лоб наискось пересекал малиновый рубец. – Здесь, я попробую воззвать к его благоразумию. А коли бессильны будут слова, – юноша хищно ухмыльнулся, – поговорим на языке, который понимают и нехристи! Клянусь пред Богом, – добавил он, видя смятение на лице возлюбленной, – я уважу его лета и не причиню ему смерти или увечья, но заставлю принять наше решение.

Офицер тронул шенкелями коня и поехал навстречу чёрному всаднику. Последний тоже двинулся вперёд.

– Доброго здоровья, господин Руднев! – приветствовал старика офицер, когда их разделяла пара саженьей.

– Не могу ответить тем же, сударь, – ответил старик. Внешне он оставался спокоен, однако глаза из-под мохнатых сивых бровей метали молнии. – Не ведал я допрежь, что у офицеров Ея Величества сие в обычае: за добро и привет лютым злом платить, а честных дочерей дворянских, точно девок мужицких, со двора лестью сманивать да воровским побытом умыкать!

– Чести вашей родственницы я не оскорбил, – ответил юноша. – И не сманивал я её – сама просила меня избавить её от тиранства вашего, что законам божеским и человеческим противно!

– Молоденек ты, сударь мой, матернее молоко ещё на губах не обсохло, чтобы меня поучать, – усмехнулся старик. – Проучить бы тебя следовало, да уж едино из уважения к государственному делу отпущу тебя. Езжай, куды ехал, не мешкая. А эту негодницу я ужю под замок посажу.

– Если вы, господин Руднев, сей же час освободите нам дорогу – я не стану спрашивать сатисфакции за сии поносные слова, из уважения к вашим почтенным летам и из любви к вашей правнучке, – сказал офицер.

– Вишь ты! А коли не освобожу? – прищурился Руднев.

– А коли нет – так изведаете, для чего офицеру и дворянину палаши потребен.

– А вот это другой разговор! – Оскалась по-волчьи, старик с юной прытью соскочил на землю, отшвырнул плащ и выхватил шпагу. – Иди сюда, щенок!

...Бедная девица, закусив в тоске край дорожного плаща, сквозь слёзы взирала на поединок. Сколь ни малы были её познания врапирной науке, она понимала одно: ни один из поединчиков не имел решительного преимущества. Силён и ловок был молодой драгун, искушённый не в одних лишь учебных схватках. Не по-старчески крепок был его супротивник; казалось, предугадывает он самые быстрые удары юного врага своего, чтобы, отшвырнув разящий клинок, атаковать в ответ. Дрожала несчастная, не зная, что пугает её больше – победа её возлюбленного или же поражение его от руки страшного прадеда... Дрожала и плакала, не ведая, что предпринять.

Звонко шибились клинки, с визгом сталь проехала по стали, и пролилась первая кровь: старик ранил офицера в бедро.

– Не испытывай судьбу и моё терпение, – сказал Руднев. – Уезжай, куда можешь.

– Доле не буду вас щадить! – воскликнул офицер, устремляясь в атаку.

– Нет!.. Нет, нет, нет! – вскричала в отчаянии девица. Она соскочила с коня и со всех ног бросилась к бойцам. Но, по внезапному порыву, метнулась к коню, на котором ехал офицер, схватила пистолет из седельной сумки, взвела курок и выстрелила.

Метилась она в своего прадеда, да дрогнула непривычная к оружию рука – и пуля угодила в грудь молодого офицера. Юноша пошатнулся, оглянулся, будто желая что-то сказать, но вместо слов кровь хлынула горлом. Так и пал он ничком на землю.

– Ты! Ты кого стрелять хотела, кикиморино отродье?! – взревел старик, точно раненый медведь, и двинулся в сторону своей правнучки. Та же, побледнев, смотрела на приближавшегося старика. Затем схватила второй пистолет, торопливо вложила его дуло себе в рот, взвела курок и нажала собачку...

– ...В ту же ночь в дом Рудневых ударила молния, и он сгорел дотла, – говорила Надия. – А старик Руднев куда-то пропал. То ли погиб в пожаре, то ли его в самом деле чёрт унёс.

– М-да... Настоящая готика, – сказала Василиса. – А откуда ты всё это знаешь? Про офицера, про дуэль, про девчонку, которая застрелилась?

– Я читала статью одного нашего краеведа, Геннадия Крементьева, – ответила Надия. – Отец знает его – он, конечно, дяденька увлечённый, и порой его заносит, но сочинять всякую шнягу от балды он не станет. Короче, ему можно верить. Так вот, он пишет, что ещё тогда, при Екатерине, по этому делу проводилось следствие: всё-таки пропал курьер с особо важными бумагами. И вроде бы его труп действительно нашли на границе владений Рудневых. А возле него – девчонку с напрочь снесённой головой. Хотя, может быть, вся эта история с влюблённым курьером – выдумка от и до.

– А что с усадьбой? – спросила Настя.

– А вот тут начинается самое интересное, – ухмыльнулась рассказчица. – Усадьба Рудневых без хозяев скоро пришла в упадок, заросла кустами, а потом и лесом. Дорога, которая шла через лес мимо усадьбы, тоже скоро исчезла, потому что не много находилось желающих ездить мимо выморочной усадьбы старого колдуна. А желающих поселиться в ней не было от слова «совсем». Изредка туда, говорят, забредали охотники за чужим добром – хотели пожить рудневым золотом. Потому что Рудневы были богаты, ну, а ни один богач, конечно, не отправится на тот свет, не оставив приличного клада! Особенно, если он заложил душу чёрту!.. Ходили туда на самом деле многие. Некоторые ничего не нашли – ни золота, ни самой усадьбы. Кто-то сгинул – ну, мало ли что может случиться в лесу! А были и те, которые вернулись и рассказывали всякую чушь и ересь.

– Например? – спросил Пётр.

– Например – что усадьба стоит среди глухих лесов цела и невредима. И дом, и парк со статуями, и пруды с фонтанами. Только людей там нет никого, так что там и днём находиться не по себе, а ночью – просто жуть берёт. Ещё рассказывали, что ночами в бывшем парке статуи богов сходят с постаментов и пляшут до петухов. Что по окрестностям бродят убитый Рудневым офицер, сам старик Руднев и его правнучка. Встретиться с правнучкой, говорят, очень неприятно, потому что она гуляет без головы...

Василиса заржала, однако опасливо оглянулась на тёмное окно и придвинулась ближе к Родиону.

– ...но старик Руднев – во сто крат хуже, потому что он – как бы сказать – немертвый. И очень не любит людишек, которые забираются в его владения.

– Забавно, – улыбнулась Василиса. – И ты собираешься...

– ...Собираюсь туда сходить, – сказала Надия. – Вдруг там и в самом деле лежит заколдованное золотишко, меня дожидается? Только, сами понимаете, одной идти как-то стрёмно. Я безголовых девок не боюсь, но всё-таки наши леса – это не парк Сокольники. Идти с кем попало тоже не алё... Вот с вами я бы пошла, – спокойно сказала она. – Вас я знаю. И знаю, что ждать от каждого.

– Ну что, Родичек, – улыбнулась Василиса, – как ты смотришь на экспедицию за чёртовым золотом?

– Золото не обещаю, даже чёртово, – сказала Надия. – Но места у нас красивые, комаров уже поубавилось, так что в любом случае не пожалеете. Тебе, Вася, после этой экспедиции – прямая дорога в *National Geographic*. Ты там нафоткаешься вдоволь.

– А меня возьмёте? – спросила Настя.

– А ты как думала, красотка? – развернулся к ней Петя. – Ты тут наши базары про золото слушала, уши грела, так что теперь, думаешь, мы тебя отпустим? Не-ет, детка, хренушки! Или ты идёшь с нами, или завтра тебя не досчитаются на построении. А потом тебя начнут искать, но не найдут! – и он ухмыльнулся насколько удалось зловеще.

– Да брось ты пугать ребёнка! – прикрикнула на него Надия. – А то она вообразит чёрт знает что! Бандит, блин, выискался! Саша Белый! Насть, не слушай его, он дурак. Хочешь – давай с нами, не пожалеешь.

– Я тогда позвоню Сёме, он, наверное, тоже не откажется! – сказала Настя.

– Звони, конечно, звони! Лишняя мужская сила в походе не помешает! Он хоть ходил когда-нибудь?

– Ещё как! Он в школе занимался в туристическом кружке! У них руководитель был из бывших не то десантников, не то спецназовцев, гонял их по полной программе! Сёма в тринадцать лет ходил в недельные походы, по горам лазили – в Крыму, в Карпатах, на Кавказе, по карельским рекам сплавлялись! – с гордостью за своего парня ответила Настя.

– Отлично, отлично, звони, конечно!

Настя достала из кармана куртки планшет:

– Алё! Медвежонок, привет, сладкий мой! Ты не спишь?... Слууушай, тут такое дело!.. Нас приглашают в поход по диким местам к заколдованному замку!.. Да нет, что ты, я тут вообще в рот не беру!.. Что-о?!.. Счас обижусь и отключусь вообще!.. Да! Я тебе потом расскажу! Настоящая готическая история!.. Нет, не в Трансильвании – у нас, в России!.. Ну ты же всегда хотел!.. Ой, правда?! Ой, как классно! Медвежонок, я тя лю! Всё, пока, мне завтра вставать рано!

– Ценное замечание, – отметил Родион. – Как командир нашей отдельной восьмой броневой бригады... – он задумался и возвёл очи горе, – отмечу, что завтра действительно рано вставать. И завтра нам нужно добить триангуляцию. Так что сейчас надо добить баттл...

– И сбегать за следующим! – добавил Петя.

– Пьеро, да на здоровье! Купи хоть ящик, если деньги лишние! Только не проспи построение, ладно? Неудобно, в самом деле: дядька у тебя в Общественной палате, с президентом за руку здоровался, а ты ведёшь себя, как панк, чес-слово!

Молодые учёные «добили» двухлитровку, прибрали следы ночного разгула и отправились по домам. Правда, Петя с Надией, которые шли позади всех и тихонько пересмеивались, внезапно отстали. Василиса о чём-то пошептала с Родионом, потом обняла Настю за шею, сказала: «Иди домой, кисуня, я догоню», чмокнула в щёку и куда-то пропала. Вместе с нею исчез и Родион. Настя постояла, тихонько вздохнула и побрела по тропинке в направлении своего домика.

Обе блудные девы вернулись через час, хихикая и перешёптываясь. Они старались вести себя тихо, и это им почти удалось, но Василиса споткнулась о тумбочку, ушибла палец и громко прокомментировала это событие. В результате проснулись и Настя, и четвёртая соседка – коренастая девица с волосами цвета воронова крыла пополам с зелёным. Она причисляла себя к субкультуре эмо, но отличалась от большинства эмарей тяжёлым характером и склонностью к насилию. Девушка решительно предпочитала вгонять в депрессию не себя, а окружающих. Возмущённая тем, что её Священный Сон был бестактно прерван, эмка сграбастала из-под койки свой ботинок и швырнула в направлении шума.

К счастью, она ни в кого не попала, иначе ночь ознаменовалась бы смертоубийством или тяжёлым увечием – ботинки эмо-герла носила тяжеленные. Тем не менее, последствия броски оказались поистине эпическими. Пролетев через комнатку, ботинок врезался в окно, выбил стекло, распахнул закрытые на ночь ставни и вылетел на улицу. А там, судя по короткому энергичному возгласу, задел какого-то полуночника.

Вася и Надия повалились на ближайшую кровать и жизнерадостно заржали.

Тотчас же в дверь домика яростно забарабанили. Василиса пошла открывать, постанывая и корчась от смеха. На пороге стоял не кто иной, как сам начальник практики. Наверное, ему среди ночи потребовалось посетить место, куда и цари ходят своими ногами, но дорога не обошлась без приключений. Сейчас в нём было что-то от статуи Командора. Только вместо шпаги, с которой посмертный рогоносец явился к своей вдове, чтобы нарушить её уединение со своим убийцей, преподаватель держал в руке злополучный ботинок.

Начальник сурово оглядел всех четырёх обитательниц домика – еле живых от хохота Василису с Надией, съёжившуюся эмо-герлу и Настю, которая ещё не разобрала, во сне она или наяву. Пообещав всем назавтра серьёзные проблемы, он удалился – явно шёл по делу, не терпящему отлагательств. Ботинок он забрал с собой.

Еле дождавшись, когда он отойдёт подальше, Василиса и Надия снова зашлись в припадке неудержимого хохота. К их веселью присоединилась и Настя, когда ей объяснили, что произошло. Эмо-герла совершенно не по-эмовски ругалась, потом завернулась в одеяло, точно Цезарь в тогу, и сделала вид, что спит. Незаметно для себя заснули и обе блудные девы на одной кровати. Придремала и Настя, и ей приснился поединок офицера и колдуна Руднева. Колдун был похож на Саурана из голливудской трилогии по «Властелину Колец», вместо шпаги он орудовал орочьим ятаганом и почему-то был обут в розовые шлёпанцы с помпончиками. На офицере был пышный мундир, как в «Легенде о героях Галактики», длинные чёрные волосы были стянуты в «конский хвост», как у Дункана Маклауда, а лицом он напоминал Родиона.

Глава 3. Где-то мы не туда свернули...

– Если правильно идём, то сегодня к вечеру будем на месте, – заявила Надия и отправила горсть малины в рот.

– А если неправильно? – спросила Настя.

– Тогда – нет, – невозмутимо ответила начальница экспедиции и ссыпала другую горсть ягод в панаму.

Им всё-таки удалось перебраться на другой берег. Шершни, устроившие гнездо на берёзе, которую парни так неосмотрительно повалили, были настроены решительно и не только отказывались пропустить путешественников по стволу, но и настойчиво пытались атаковать их на берегу. Пришлось искать другое место для переправы. К счастью, на полкилометра ниже по течению обнаружилась отмель с довольно плотным дном. Парни, которые уже изгваздались по уши, вброд перетаскивали рюкзаки, а потом перенесли на руках женскую половину экспедиции, весьма обрадованную такой галантностью. После чего решено было устроить привал на песчаной косе, чтобы постираться и обсушиться. Пока парни поджаривали над костром свои комбезы, девушки развели неподалёку богатый малинник и отправились на добычу.

– Ты хочешь сказать, мы заблудились? – невозмутимо поинтересовалась Настя. Кажется, перспектива заблудиться не столько пугает её, сколько забавляет.

– Да ну что ты, Настик, у нас тут заблуждаться негде. Если идти в одну сторону – за сутки, не больше, выйдешь к какой-нибудь дороге. Правда, по некоторым дорогам тут в день в среднем проезжает по десятку машин. А чтобы не закружиться в лесу, надо дойти до просеки и чесать по ней, не сворачивая. Главное, чтобы просека не оказалась тупиковой. Есть у нас несколько таких. А некоторые так заросли, что не разберёшь – есть там дальше просека или нет её. Ну, а ещё через лес идут две линии ЛЭПа, – неправильно выразилась Надия, – это вообще палочка-выручалочка для чайников. Иди вдоль ЛЭПа, никуда не сворачивай, и всё.

– Мда... – неопределённо протянула Настя, давая языком душистые ягоды.

– Да, Насть, у нас тут не зелёное море тайги. Разочарована?

– Не знаю... А почему же тогда усадьбу не могут найти?

– Наверное, она вправду заколдована! – улыбнулась Надия.

Настя хмыкнула. В колдовство она, конечно, не верила. Она знала, что они идут к самым обыкновенным развалинам, никому не нужным и заросшим лесом. И самое страшное, что с ними может случиться – что кто-то поскользнётся и сломает ногу. Ну, или отравится (про клещей она старалась не думать). Но воображать, что они держат путь по лесу – нет, по Лесу, дикому и загадочному, кишачему хищными бестиями, злыми разбойниками и всяческой нежитью, и в конце пути их ждёт зачарованный замок и настоящее приключение... это ведь гораздо интереснее!

– Мальчишки! Как вы там? – крикнула Надия.

– Не слышат, – сказала Настя. – Мы всё-таки далеко отошли.

– Хмм... надо же! И я их не слышу! Вот, а ты горевала, что у нас тут заблудиться негде... – Надия энергично продралась сквозь малинник к реке и, опасно наклонившись над водой, прокричала: – Ребята! Мы идём!

– Идите скорее! – донёсся голос Родиона. – У нас для вас сюрприз!

Сюрприз был на этот раз приятным. Над костром висел котелок, источающий запах, от которого у собирательниц потекли слюнки.

Возле костра лежала крупная щучья голова.

– Вы не представляете! – рассказывал Петя, чуть не подпрыгивая от возбуждения. – Я её руками поймал!

– Врёшь ты всё! – усмехнулся Родион. – Не руками, а пузом.

– А какая разница?

– Большая и толстая. Руками её поймал я. Девчонки, прикиньте: мы сидим такие, сушим штаны, и вдруг Петро встаёт и впивается взглядом в воду. Я его спрашиваю – мол, что такое? Он мне: «ТССС!» – и, не говоря худого слова, падает плашмя на воду! Я испугался, думал – всё, парень словил солнечный удар! Кинулся спасать, а он поднимает голову из воды и орёт: «Родик, держи эту суку, выворачивается!» И тут я вижу – у него из-под руки лезет крокодил! Натуральный крокодил! Я охренел – ну, не то слово. Ну, раздумывать некогда, я схватил эту тварь за морду, так она мне чуть палец не откусила. Но мы ей хребет сломали, так что она успокоилась. В общем, кушайте, девушки. Картошки, извините, не положили, лаврового листа – тоже. Далеко идти за ними. Но мясо свежайшее, ещё недавно плавало.

– Настик, наши мальчишки просто герои! Добытки! У нас тоже кое-что для вас есть.

Обед из даров природы замечательно поднял настроение, и путешественники бодро пошагали через лес в направлении, которое Надия определила как «туда!». По пути попались ещё несколько кустов малины, которые искатели приключений с удовольствием объели.

– Впервые вижу такую здоровую лесную малину, – признался Петя.

– Так она не лесная, – ответила Надия.

– А какая же, раз в лесу растёт?

– Садовая. На той стороне реки раньше была деревня, а в ней были сады, в том числе малина. Деревни уже нет, а малина осталась и расплзлась по лесам.

– Ммм, понятно. Птицы разнесли.

– Ну да, птицы, звери – все, кто малину ест...

Спустя некоторое время до обоняния путешественников донёлся запах багульника, и вскоре они вышли к болотцу.

– Ну что? Напрямки или обойдём? – спросил Родион.

– Что бей сову пнём, что пень об сову, сове всё одно не куковать, – философски заметила Надия. – Болотце, может, и проходимое, но это всё равно не лужа и не лужайка. А мне что-то неохота грязь месить. Обходить – время терять...

– Давайте обойдём, – предложил Петя.

– Хм. Какие ещё предложения? – спросила глава экспедиции.

– Мне всё равно, как вы решите, – сказала Настя.

– Попробуем обойти, может, оно небольшое, – предложил Родион.

– А в какую сторону? Направо или налево?

– Надь, ну смотри – направо оно сильно загибается назад, оно нас так уведёт, что мало не покажется. Так мы вообще в лесу заночуем...

– Ладно, – тряхнула головой Надия. – Убедили. Идём налево.

Однако непредусмотренный поворот оказался очень некстати. Обходить болотце пришлось довольно долго, и, когда экспедиция вывернула на расчётный курс, Надия то и дело смотрела на карту, на компас, на солнце и мрачно вздыхала. Через полтора часа ходу путешественники вышли на опушку. Вокруг, насколько хватало глаз, расстилалась пустошь, заросшая борщевиком. Вдалеке темнел лес.

– Мы куда-то не туда вышли, – сказал Родион.

– Осталось выяснить – куда, – насупилась Надия. Она посмотрела в распечатку и вздохнула. – Твою ж мать, мы слишком влево забрали.

– Как всегда, – в сторону произнёс Петя.

– Петрушенька, в лоб дам!

– Молчу, молчу! Ну, так что? Идём или как?

– Пошли, – сказала Надия, мотнув головой направо.

Экспедиция двинулась вдоль опушки. Слева стеной стояли трёхметровые исполины.

– Как триффиды! – сказала Настя, поглядывая на царство борщевиков.

– Есть что-то такое, – согласилась Надия.

– Они и есть триффиды, – подал голос Петя. – Десант с планеты Нибиру. Прибыли сюда, чтобы уничтожить человечество. Мне рассказывали такую историю про этих триффидов: один парень пошёл в поле, так сказать, «подумать», и вместо лопуха употребил лист борщевика... Короче, он успел рассказать об этом, но «скорую» уже не дождался.

– А чё так плохо? – отозвался Родион из головы колонны.

– Ожог слизистой кишечника, болевой шок, ураганный отёк и экзитус леталис.

– Брехня, – спокойно сказал Родион.

– С хрена ли?

– Борщевик – не крапива. У него несколько другой принцип действия. Его волоски выделяют сок, который резко повышает чувствительность к ультрафиолету. Называется эта шняга... ну-ка вспомню... фуранокумарин. Так вот, участок кожи, куда попал этот фуранокумарин, в несколько минут обжигается солнцем до волдырей. Ты же не хочешь сказать, что этот парень после большого дела загорал, задрал задницу и раздвинув половинки? И я сомневаюсь, что он вообще смог взять в руку лист борщевика. Он же колючий! Короче, похоже на городскую легенду, не обессудь, Петро.

– Мне что? За что купил, за то продаю, – не обиделся Петро. Или сделал вид, что не обиделся.

– Я тоже знаю одну историю про триффидов! – гаркнул Родион. – Знаете Андрона Осетрищева? Бизнесмен, овцевод и вообще термоядерный православец на всю голову.

– Овцечто? – переспросила Надия.

– Овцевод! В хорошем смысле этого слова!

– А-а...

– Так вот. Этот православный овцевод недавно объявил крестовый поход на борщевик. А то, говорит, заполонила Русь-матушку бусурманская трава, роздыху не даёт. Щас я вспомню, как он про это написал... Нет, погодите, я это даже в телефоне в избранное внёс. Это нельзя пересказать...

– Вот, слушайте! – продолжил Родион после того, как покопался в телефонных заметках: – «Рубка борщевика, – заговорил он с истовым подвывом, ударяя на «о», – это азартное и увлекательное, но небезопасное занятие – (о как!) – требующее специального оружия, доспехов...»

– Что, так прямо и пишет – «оружия и доспехов»? – удивилась Настя.

– Ещё бы! «Оружия, доспехов и соблюдения техники безопасности – при рубке борщевик брызгается ядовитым соком и сильно обжигает». А ещё может наброситься и избить ногами, – добавил Родион нормальным голосом. – «В ближайшее время на нашей интернет-странице будет размещён мастер-класс по изготовлению таких доспехов и палки, пригодной для рубки борщевика».

– А палка-то зачем? Думаю, мачете вроде твоего в самый раз подойдёт.

– Мачета ента самая – сбруя бусурманская, православным воинам непригодная, – отозвался Родион. – Мы уж по-нашенски – палкой его, палкой, дьявольское порождение! Я, короче, представляю, как это будет, – продолжал он со смехом. – Идёт, значит, Воинство Православное. Иконы. Хоругви. Палки наперевес. Кадила дымят. Доспехи скрипят. Тактические лапти пыль вздымают. Впереди Андрон Осетрищев верхом на коне с аршинной бородой...

– Я не поняла, кто с бородой – конь или Осетрищев? – серьёзно спросила Надия.

– Неважно. Главное, что с бородой. И поёт, значит, воинство православное старую песню на новый лад:

Мы идём широкими полями

*На восходе утренних лучей.
Мы идём на бой с борщевиками
За свободу Родины своей!* – заорал Родион.

– Круто! – оценила Надия. – Думаю, от таких песен борщевики сами сбегут.

* * *

– ...Ну и где мы, блин? – спросила Надия, ни к кому конкретно не обращаясь.
Члены экспедиции угрюмо молчали.

Накануне, миновав поросшую борщевиком пустошь, они снова углубились в лес, проложив направление по компасу, распечатке и гугл-карте. Они привязались к ориентирам и чётко взяли направление. О том, что цель близка, должен был известить извилистый ручей – тот самый, который так и не успели пересечь правнучка Руднева и её возлюбленный драгун. Однако «расчётное время», отмерянное с приличным запасом, давно миновало, а «расчётная точка» оставалась неуловима, как снежный человек.

Тем временем бесконечный летний день клонился к вечеру, и Надия приняла волевое решение – разбить лагерь досрочно. «Пятнадцать часов на ногах, надо отдохнуть, – сказала она. – Мы уже близко. Завтра со свежими силами за час добежим». Остальные согласились с ней – по крайней мере, с первой частью заявления, потому что некоторую усталость ощущал даже железный Родион. Поэтому путешественники устроились на ночлег на первой попавшейся ровной площадке, не озаботившись даже поисками источника воды. В молчании, перебрасываясь скупыми словами, поставили палатку и тент, в молчании съели по банке холодной тушёнки, в молчании вскипятили последнюю фляжку воды на маленьком костерке и заварили малиновые листья, собранные девушками. Молча забились в палатку и быстро провалились в тяжёлый сон. То и дело кто-то просыпался и ругался сквозь зубы – ломило икры от усталости.

На следующий день они встали довольно поздно и первым делом занялись добычей воды, стряхивая росу с травы, кустов и веток деревьев в кружки и котелки. Удалось набрать на «чай» (как и вечером, на заварку пошли малиновые листья) и даже немного отлить во фляжки. Эта маленькая победа над обстоятельствами подбодрила путешественников. Позавтракав и свернув лагерь, они двинулись в путь. Чтобы не сбиться с выбранного направления, парни ещё вечером выложили из брёвнышек стрелку-указатель.

Однако прошёл час и другой, а ничего похожего на границу усадьбы впереди не показывалось. Путников охватывало очень неприятное чувство «где-то мы не туда свернули».

– Передохнём, – сказала Надия.

Все четверо свалили рюкзаки на землю и уселись возле них.

Вокруг высился непролазный лес, сумрачный даже в ясный солнечный день. В лесных шорохах, в криках птиц и время от времени раздающейся барабанной дробью дятла мерещилась насмешка и скрытая угроза.

Настя тихонько вздохнула.

Молчание затягивалось.

– Так, – сказал Родион, решительно поднимаясь. – Есть одно средство. Девочки, заткните уши. Заткните, говорю, так надо.

Убедившись, что его указание выполнено, Родион набрал в грудь воздуха побольше и заорал в лесную чащу:

– Слушай, ты.... твою мать! Какого... ты вы.....!.....! Мы с добром пришли.....мать!
Дай дорогу.....!

– Пошли, – сказал он, когда отзвучало эхо.

Через несколько минут экспедиция неожиданно вышла на небольшую круглую полянку. А посреди полянки на пеньке сидел мужик.

Его нельзя было назвать старым, хотя густая борода указывала на далеко не юношеский возраст. Одежда его была странной: похожа на охотничий камуфляж и всё-таки какая-то другая. При попытке присмотреться к деталям его одеяния взгляд соскальзывал, точно вода с клеёнки. Из-под шляпы торчали длинные бурые патлы. Буро-зелёные глаза смотрели не слишком приветливо, но и не злобно, а скорее, с насмешливым интересом. В руках чудной лесной странник держал гнутый посох.

– У каждого своя дорога, да не каждый её знает, – отстранение проговорил он. – Идите, куда хотите, только знаете ли вы, чего хотите? А что хотите, то и будет вам. – Он неспешно поднялся и прошёл мимо замерших от изумления юных путешественников. Миг – и качающиеся кусты скрыли лесного странника. Бесформенная шляпа слилась с лишайником на стволе дерева.

Первым опомнился Петя.

– Эй, папаша, погоди! Слушай, мы заблукали малость! – Он бросился за незнакомцем, но того и след простыл.

– Чёрт знает что! Как в воду канул! – сказал он пару минут спустя, пятась из кустов. Почему-то он вышел не с той стороны, с которой зашёл, хотя точно помнил, что не обходил полянку.

– Станный дяденька, – определил Родион.

– Это был леший. А ты, Родичка, его матом обложил. Нехорошо! – сказала Надия.

– А пусть дорогу не путает, – как ни в чём не бывало ответил Родион.

– Эй, вы что? Вы в самом деле решили, что это... – Настя не смогла выговорить слово «леший»: очень уж дико и... пугающе оно звучало бы здесь. – Вы что, спятили немножко?

– Да просто мы где-то не туда свернули, – сказал Родион. – Но теперь я точно знаю, что нам – туда, – и решительно зашагал в направлении, куда рубанул рукой.

Остальные не тронулись с места. То ли взяла своё усталость, то ли Родион так и не смог заразить их своей уверенностью.

– Родик, ты ТОЧНО уверен, что нам ТУДА, а не назад? – крикнула ему Надия.

– Точно уверен! – послышался голос Родиона из-за кустов. – Идите сюда и всё поймёте.

Надия, Настя и Пётр продрались сквозь кусты. Родион стоял на берегу заросшего тиной ручья и смотрелся в мутную воду, как в зеркало.

– Кажется, мы у цели, – проговорил он.

Глава 4. Пропавшая грамота, быдло-апокалипсис и сковородка со струнами

– Семь минут до отхода. Ну и где они, блин? – Надия отвела взгляд от часов и воинственно уставилась на Петра.

– А чёрт их знает. Телефоны не отвечают. Ни у Настюшки, ни у этого... медвежоночка.

– Да твою ж мать! Началось в колхозе утро! Как же меня бесит, когда всё вот так через задницу! – Надия ходила кругами по платформе и искала, что бы пнуть. – По опыту знаю: как поход начнётся, так и покатится!..

...На следующий день по возвращении с практики участники будущей экспедиции встретились, чтобы обсудить детали готовящегося похода. Настя приехала на встречу вместе с Семёном – своим молодым человеком, которому она звонила в памятный вечер на практике. Настин приятель был перспективным менеджером среднего звена из компании, торгующей мобильными гаджетами. Он был лет на десять старше прочих членов экспедиции, небольшого роста, плотненький, с коротко стриженными чёрными кудряшками на квадратной голове и ужасно самоуверенный.

С самого начала он всем не понравился. И в этом он был сам виноват. Он, что называется, «с порога» взял покровительственный тон, давая понять, что он – уже взрослый самодостаточный человек и снисходит до детских развлечений исключительно ради своей лоли. На первую встречу он опоздал, усиленно забивал эфир трепотнёй и даже рассказал ни к селу ни к городу скабрёзный анекдот, над которым никто не засмеялся, но по делу не сказал ровным счётом ничего. Он постоянно, сосредоточенно хмурясь, посматривал на квадратный золотой хронометр, который украшал его правое запястье, и скоро отчалил со словами: «Ну всё, ребяташки, я погнал, дела!». Он увёл с собой и Настю, и та, уходя, окинула остающихся каким-то виноватым взглядом.

– Забавный типок! – сказал Родион. Если бы Семён знал, что его тщательно подчёркиваемая взрослость, серьёзность и деловитость вызывает у «ребятишек» беззлобную насмешку, он бы призадумался. А если бы ему сказали, что у Родиона и ничем не примечательного Петра за плечами есть одно интересное дело, о котором они предпочитают не вспоминать, он бы проникся к ним опасливым уважением.

Но, с другой стороны, он с удовольствием принял приглашение отправиться в экспедицию, а походная романтика была ему знакома не только по бардовским песням. А чем больше в группе бывалых бродяг, которые знают, что к чему, которых не нужно ни подгонять, ни наставлять в мелочах, ни утирать им сопли – тем лучше для всех. Ну, а если ему нравится корчить из себя яппи – да на здоровье! У каждого свои заморочки. Вот Родион всюду ходит в «тактическом» прикиде, так что его стабильно раз в неделю тормозят менты, подозревая в нём то ли дезертира, то ли скинхеда. Василиса изображает из себя гламурную сучку, склонна к импульсивным поступкам и никогда не бывает виноватой. То есть во всех её косяках виноват кто-то другой... Петя до сих пор смотрит аниме и таскается на косплейные вечеринки. Надия всех вокруг приучила называть её этим языколомным имечком. Ну и что? Можно быть откровенным фриком, но при этом – надёжным товарищем. А можно быть сферическим в вакууме хорошим парнем, милашкой и обаяшкой и при этом – полным чмом, безручью и бестолочью.

Поездку решили не откладывать, тем более что у Семёна как раз начался двухнедельный отпуск. В оставшиеся два дня докупили дополнительную снарягу и заказали билеты – из-за отпускного сезона пришлось разориться на купе. И, как говорится, ничто не предвещало беды...

Но за день до отъезда, когда Надия, гостившая в эти дни у Пети, изображала перед его родителями почтительную невестку и затеяла влажную уборку, её телефон взорвался звонком от Родиона.

– Ну и где вы, блин? – вместо приветствия спросил он.

Надия ответила. Родион со своей стороны поинтересовался, все ли у неё дома и не прохудилась ли крыша.

– До отхода пять минут, вы что, ребятки, опухли?

– Э-э... – Надия выронила швабру; её ручка упала на хвост коту, который с негодующим воплем вылетел из комнаты. – Родик, а какое сегодня число?

– Двадцать седьмое.

– А мы двадцать восьмого едем, вообще-то!

Началась истеричная сверка билетов, в ходе которой выяснилось, что Надия, Пётр, а также, вероятно, Настя с Семёном действительно едут двадцать восьмого. А вот у Василисы с Родионом билеты помечены предыдущими сутками: Василиса взяла заказ билетов на себя – результат налицо.

– Да ладно, – сказал Родион. Он знал, что критиковать Васеньку не имеет смысла: она никогда не бывает виновата. – Заселимся, отдохнём, осмотрим славный город Воскресенск... Всё, Надь, мне пора, а то поезд уже тронулся...

И вот теперь Надия с Петром стояли на платформе и в полной мере ощущали гамму чувств, которую накануне испытывали их друзья.

– Может, они на сутки позже заказали? – предположил Петя.

– Думаешь, хронографический кретинизм заразен?...А, нет, смотри, вон они топают. Так, я не поняла. Они чё, охренели?

Двое отставших путешественников быстрым шагом приблизились к своим друзьям. Одеты они были отнюдь не по-походному. На Семёне был деловой костюм, Настя пришла в розовой футболке в обтяжку, белых кроссовках с розовыми шнурками и белых джинсовых шортиках с декоративной бахромой, обрезанных чуть ниже паха.

Семён надел маску предельно озабоченности, а дивные аметистовые очи Настеньки были полны невыплаканных слёз.

– Здорово. Ребят, а где ваша снаряга? – спросила Надия. – Почтой, что ли, отправили?

– Ой, тут такое дело... – начала Настя.

– Ребятишки, извините, но мы не едем, – вклинился Семён. – Понимаете... да нет, вы, конечно, ещё не понимаете... Мне предложили поехать на тренинг по тимбилдингу, после которого я смогу возглавить филиал в Центральном административном округе Москвы. Это, чтоб вы знали, покруче, чем некоторые областные филиалы! Но меня не отпускают просто так, мне надо будет эти две недели отработать. И вот мы с Настей подумали и решили, что в поход с вами как-нибудь ещё сходим, правда, Насть?

– Угу, – кивнула Настя. – Извините, ребята, так получилось...

– Блин... – выговорила Надия. – Жалко. И денежки за билет плакали?

– Да, – согласилась Настя. – Мы это узнали в последний момент, уже и билет не сдашь... То есть я сейчас принесла билет сдавать, а мне в кассе говорят – всё, поздно...

Было видно, что потеря денег её печалит меньше всего.

– Обидно, – вздохнула Надия. – Слушайте, давайте хоть зайдём к нам в купе, посидим перед дорогой.

Ни голос, ни выражение лица Надежды не изменились, но Петро почувствовал, что подруга задумала какую-то каверзу.

– Нет, ну, вы поймите, это не детские игры, это взрослая жизнь, – говорил Семён, идя по коридору в вагоне. – Карьеру, ребятки, умные люди делают один раз и навсегда. А то

бывает так: раз-другой откажешься от хорошего предложения, а потом выясняешь, что ты, такой красивый, никому не нужен...

Настя присела на скамейку в купе, которое могло бы стать и её домом на ближайшие полсуток, и уставилась в окно.

Надя требовательно дёрнула Петра за рукав.

– Выведи этого борова на улицу, – прошелестела она ему в ухо. Петя кивнул, мысленно ухмыляясь до ушей.

– Насть, помоги из рундука мой паспорт достать, – сказала Надя как ни в чём не бывало. – Засунула сдуру в рюкзак, а они же сейчас билеты будут проверять...

– Я помогу! – оживился Семён.

– Да нет, не надо, мы девушки крепкие, – улыбнулась Надя.

– Семён, пошли на платформе покурим, воздухом подышим. А то, наверное, девочкам посекретничать надо перед дальней дорогой, – предложил Петя. – Всплакнуть на груди, то-сё...

– А, давай, – согласился Семён.

– ...как сказано в Библии: есть время разбрасывать камни и есть время собирать камни! – разглагольствовал Семён. – У меня сейчас год идёт за пять. И тут важно не промахнуться. А я, знаешь, однажды здорово рискнул, когда с половины третьего курса ушёл. Но я подумал: а что я получу, если буду ещё два с половиной года полировать задницей скамейку в институте? Знаешь, есть такая поговорка: поступив на работу, забудь всё, чему тебя учили в институте. Потому что самое важное, вот самый гештальт и цимес, – он поднял кверху указательный палец, – ты узнаешь уже в процессе работы. Это девяносто процентов. Десять процентов – это то, что ты вынесешь – заметь: не заучишь, а вынесешь! – из института. А девяносто процентов того, что ты учишь, тебе на самом деле не нужно. Просто есть такой заведённый порядок, что руководитель определённого уровня должен иметь диплом. Но это постепенно отмирает и скоро отомрёт. Зачем мне протирать штаны целый год, если я могу узнать всё, что мне нужно для работы, на двухнедельном тренинге?

Он говорил и говорил без остановки. Похоже, ему было неважно, слушает его собеседник или нет. Важнее было, что выступает Великий Он, Непревзойдённый Гений Менеджмента и Знатор Правды Жизни. Петя кивал, изображая внимание, а сам думал о том, что же на этот раз измыслила его изобретательная подруга. Он отметил, что Настя до сих пор не вышла из вагона.

Поезд лязгнул и тихонько тронулся.

– Молодой человек, вы едете или как? – окликнула Петра проводница. – Мы отходим, а вы лясы точите.

– Да, всё, Петь, иди, а то на платформе останешься. – Семён дружески хлопнул его по плечу. – Слушай, а где Настя? Она выходила вообще?

– По-моему, я её видел, – сказал Петя – он уже бежал по платформе, держась за поручень. – Может, в туалет отошла? Позвони ей! – Он вскочил на площадку рядом с заворчавшей проводницей.

– Ага, да! – крикнул Семён. – Удачной дороги!

Вернувшись в купе, Петя не был удивлён, обнаружив там обеих девушек. Надя и Настя что-то ожесточённо искали.

– Представляешь, Петя, я паспорт потеряла! – со слезами в голосе обратилась к нему Настя. – Спасибо, Надька заметила – а что это, говорит, у тебя был паспорт в кармашке, а теперь я его не вижу?

– Ты уверена, что здесь потеряла, а не по дороге? – спросил Петя.

– Точно уверена! – всхлипнула несчастная. – Блин, что делать! Сёма с ума сойдёт!

Словно в подтверждение её слов, задребезжал розовый планшет на столе.

– Дай отбой! – приказала Надия. – Эй, Настюшка, я его нашла! Вон там валялся, в углу. Как мы его просмотрели, две вороны? И билет там, кстати.

– Чудно! – говорила Настя, принимая в руки документ. – Мы же там три раза смотрели!

– Значит, плохо смотрели.

– Я сейчас позвоню Сёме, чтобы он не волновался!

– Да переживёт твой Сёма, – сказала Надия. – И ты не дёргайся. Всё в порядке. Ты вообще тут находишься на своём законном месте, если что.

– Но я же не еду!

– В том-то и дело, что ты едешь.

– Юридически и фактически, – ввернул Петя.

– Блин!

Распахнулась дверь, и в купе зашла проводница, проверяющая билеты.

– Понимаете, тут такое дело! Я ведь не еду! – набросилась на неё Настя. – То есть у меня билет, но я не должна ехать!

– Девушка, не морочьте мне голову! У вас билет помечен сегодняшним числом, оформлен на ваш документ. Что не так? – почти без раздражения ответила проводница. – Сколько, бывает, зайцами лезут, а тут всё наоборот. Не сводите меня с ума, ладно?

– Как говорят в Одессе, «не делай маме нервы!», – сострил Петро и был удостоен гневного взгляда проводницы.

– Всё нормально! – примирительно сказала Надия. – Принесите нам чайку и чего-нибудь пожевать.

– Конкретней, пожалуйста. Чай, кофе, кока-кола, печенье, шоколад, чипсы...

– Значит, для начала – три стакана чая, пачку печенья и большую шоколадку для этой плаксы, ладно?

– Хорошо, – кивнула проводница и удалилась.

– Какая там первая станция? Мне надо будет сойти и вернуться! – ныла Настя.

– Да не надо тебе нигде сходить, – улыбнулась Надия. Петя отвернулся и зажал рот, чтобы не расхохотаться. Он уже понял, что это Надья устроила фокус с паспортом, для чего и потребовалось удалить из купе Семёна.

– Настенька, солнце моё, это ведь у Семёна тренинг, а не у тебя, – продолжала агитацию хитрая Надия. – У тебя – законные каникулы. Кто сказал, что ты обязана сидеть возле него на привязи? Ты что, Гюльчатай из гарема? Не можешь сделать шаг без разрешения повелителя?

– Он за меня очень беспокоится! – хлюпала носиком Настя. – Он же чёрт знает что вообразит!

– Ну и дурак будет в таком случае, – отвечала Надия. – Не горюй, птичка, что-нибудь придумаем.

Надия обладала незаурядной силой убеждения. Это замечали многие. И препод по общей химии, который против своей воли поставил ей на экзамене «хор», хотя под вопросом было даже «удовл». И соседка по общаге, которую Надия ласково выпроваживала, если ей нужно было освободить комнату для свидания по-быстрому. И Петя, причём неоднократно.

Не то чтобы шепутная пухленькая девочка была ведьмой-манипуляторшей, которая способна заставить человека сигануть в кипящий кратер, предварительно зарезав родную мать. Но если она очень хотела в чём-то убедить собеседника, ей это удавалось.

Настя не стала исключением. Через полчаса она, сбросив кроссовки, сидела потурецки на диванчике, прихлёбывала чай и весело болтала с Надей. От недавнего смятения не осталось и следа.

– Классно ты придумала! – шепнул Петя своей подруге, когда Настя отлучилась из купе. Надия загадочно повела глазами, но по её рожице расплылась неудержимая торжествующая улыбка.

Поскольку они приобрели купе на четверых, в дороге никто не нарушил их уединения. На одной из остановок Настя включила видеосвязь на планшете и поболтала с потерявшим её бойфрендом. Она сплела какую-то не слишком правдоподобную историю о том, как они разминутись на вокзале, сказала, что вернулась домой, ужасно устала и что сегодня она никуда уже не поедет:

– До завтра, сладкий медвежоночек! Мяу-мяу!

В продолжение разговора Петя и Надя стоически молчали.

Трое путешественников протрепались обо всём на свете далеко за полночь, взбудораженные дорогой и озорным приключением, которое они недавно пережили. Где-то около четырёх ночи или, скорее, утра они расползлись по полкам – разумеется, Пётр, как джентльмен, уступил дамам нижние диванчики. Однако стоило ему заснуть, как он почувствовал, что его настойчиво будят.

– Настюшка спит, – прошептала Надя.

– Ага, – улыбнулся парень.

* * *

В славный город Воскресенск, где жили родители Надии и откуда должна была стартовать экспедиция, поезд прибыл к семи утра. Зверски невыспавшиеся путешественники вытащили рюкзаки и поплелись через вокзальную площадь.

– Куда сперва... уы-уы-уау... – зевнула Надя. – Наверное, в гостиницу?

– Я не откажусь, и пожрать не мешало бы, – витиевато ответил Пётр. Его синеватое лицо отлично гармонировало с синим камуфляжным костюмом. – Я, если недосплю, всегда на жор пробивает.

Настя ничего не сказала, только зевнула. Ей в эту ночь пришлось труднее всех: она вынуждена была полтора часа притворяться спящей...

– Эй вы, трое! Оба быстро ко мне! Я тебя узнал!

– Родион! – Троица разом обернулась на голос.

Родион подпирал плечом фонарный столб, чтобы тот не упал, и, сложив руки на груди, с ухмылкой смотрел на однокурсников. В оливковых военных штанах, футболке и панаме того же цвета, в светлых берцах «Калахари», он был похож на «солдата удачи». Героический облик дополняли ножны на левом боку.

А ещё – свежий бланш под левым глазом, который Родион пытался замаскировать чёрными тактическими очками, и свежие ссадины на костяшках, которые он и не думал скрывать.

– С прибытием! – Родион отклеился от столба и двинулся навстречу, распахивая руки для объятий. – Петруччо, брат мой... ы-ыть!.. – Он облапил Петю и приподнял его – вместе с рюкзаком, который тот не успел скинуть. – Надя, солнышко, рад тебя видеть! – Надежду постигла та же судьба – она только ойкнула, когда расчувствовавшийся Родион подхватил её и крутанулся с ней. – Насть, привет! – Он лучезарно улыбнулся, Настя отзеркалила улыбку. – А где Семён?

– Ой, Родик, – хихикнула Настя, – тут такая история вышла! Ты не поверишь!..

– Пошли разместимся в гостинице, мы тебе по дороге расскажем! – сказала Надя.

– ...А-атлично! – Родион восторженно прихлопнул ладонями по бёдрам, услышав сказку о потерянном паспорте. – Начало хорошее!

– Мне всё равно как-то перед Семёном неловко! – призналась Настя.

– Это ему должно было быть неловко тебя обламывать, – ответил Родион. – Считай, его судьба наказала. А тебе повезло. Судьба, Настенька, от судьбы не уйдёшь. Тебе судьба была с нами в поход сходить.

– А Василиса где? В гостинице осталась? – спросил Петя.

Родион хмыкнул:

– Да тут тоже такая история вышла... Не знаю, с чего начать...

– Начни с конца, так проще, – посоветовала Надия.

– С конца так с конца. Не будет Васьки. Домой умотала в растрёпанных чувствах.

– Блииин! Жалко! Что-то случилось?

– Случилось, ага. Честно говоря, она сама виновата. Из-за неё всё...

– Так что случилось? – спросила Настя.

– Ну, в общем... Там, по дороге к гостинице, мостик через речку...

– Ну да, – кивнула Надия.

– Конечно, ты знаешь. В общем, приехали мы с Васькой, расположились и пошли погулять. Она, конечно, фотик взяла – она же у меня фанатка... Вот, идём мы через мостик, а внизу на берегу парень сидит и тину в мешок собирает...

– Утей кормить, – определила Надия.

– Наверное. А Ваське прямо до смерти захотелось его сфотографировать. А этот мужик увидел, что его снимают, и отчего-то в залу... в бутылку полез, – поправился Родион. – Мол, нех... нечего тут фоткать, и всё такое. Васька ему что-то ответила, он вообще взбеленился. Ну, я ему говорю – следи за языком, вообще-то... А он в ответ – будет мне ещё всякий пиз... короче, всякий указывать, в форму вырядился, а сам, небось, от армии косишь. А я ему – сейчас я тебя, герой стройбата, в это болото окуну, остынешь немного, а то горячий дохxxx... до хрена. Ну, в общем, поцапались мы. Васька, дура, нет чтоб в стороне стоять, всё у меня на руках висла – «мальчики, не надо, мальчики, не надо!»...

– Это он тебя? – Петя указал на свежий синяк.

– Да нет, наверное, – неопределённо ответил Родион. – Это, кажется, уже потом, когда мы с ним мировую выпили, потом пошли в гости к его родичам, а на полдороге попались какие-то черти. Так этот парень – его Серёга зовут, кстати – с ними тоже зацепился. У него, видно, натура такая – если в день два раза не подрался, считай, зря день прожил. Идёт мимо них, вдруг разворачивается и лезет к одному: «Слышь, ты, те чё-то не нравится?» А тот тоже окрысился: «Э-э, увасся, ыды, слющай, ыды, куда шол, да-а?!»

Надия хихикнула. Две женщины средних лет, которые неспешно шли по противоположной стороне улочки, нагруженные сумками, прервали беседу и обернулись на гортанный вопль Родиона.

– Их четверо, нас двое – Васька не в счёт, от неё, кроме визга, никакой помощи. Но Серёга с самого начала одному нос поломал и глаз чуть не выстегнул. Этот выбыл. Ещё один дрищ мелкий, метр с кепкой, – Родион показал ладонью уровень, – пару раз поймал от меня по бестолковке и в драку больше не лез, так, вокруг прыгал, орал, и всё. Вот с двумя другими пришлось повозиться. Ну, а мне не хотелось возиться, так я достал товарища, – Родион извлёк нож и покрутил им в воздухе, – да и... – Вдохновенный рассказчик замялся, раздумывая, стоит ли сообщать все подробности. – Короче, только мы их и видели. Наверное, вспомнили, что дома уют не выключили. Один так торопился, что тапки потерял. Серёга, правда, тоже удрал, потому что какая-то блажная дура стала ментов звать. Ну, и мы с Василисой тоже... поспешили удалиться. В другую сторону.

– Тебя за эти подвиги менты искать не будут? – озабоченно нахмурилась Надия.

– Да нет, наверное... – Родион снова пустил в ход универсальный русский ответ, вгоняющий в ступор иностранцев. – Вот после той славной виктории Васенька мне закатила истерику. Она, мол, ехала сюда отдыхать душой и фотографировать прелестные пейзажи, а я устроил ей быдло-апокалипсис.

– «Быдло-апокалипсис»? Красиво! – хмыкнул Петя. – Так и сказала?

– Так и сказала. Сейчас смешно, а тогда я, чес-слово, взъелся. Значит, я, говорю, для тебя быдло? У тебя что, говорю, благородные корни некстати пробудились, шановна панна Любомирска? Так мой предок, если хочешь знать, служил в кавалергардах и бился под Аустерлицем, у прабабки хранился его орден Святого Владимира, только я всех вокруг быдлом не обзываю...

– Ни хрена себе... – сказала культурная девушка Настя.

– А-а... можешь не верить, – отмахнулся Родион. – Многие не верят. Но ты подумай – мне-то какой резон врать? Это же его заслуга, а не моя...

– Да нет, верю... Просто неожиданно как-то. Ты... и вдруг потомок кавалергарда...

– Ну да, кавалергарда. А что тут такого? Все мы чьи-то потомки, и если покопаться в родословных, можно такого нарыть, что ахнешь! Вот мне один паренёк рассказывал, что встречался с девкой из рода Рюриковичей. Правда, она из какой-то обедневшей ветви, уже при Екатерине у них не осталось ни титула, ни поместий, сами землю пахали, как мужики – но всё равно помнили, что происходят от Рюрика. От того самого. Может, выдумала, конечно, фиг знает... Ладно. В общем, Васенька мне заявляет – да мне плевать на Аустерлиц, на твоего предка, а особенно на тебя, ты – тупое драчливое быдло, ты меня ни в грош не ставишь, я для тебя – постельная кукла и только, любил бы – повёз бы на Мальдивы, а не в эту пердь... ой, Надя, извини.

– Ничего, всё норм, – кивнула Надя.

– В общем, понеслась по кочкам. Сейчас-то я понимаю, надо было как-то всё обратить в шутку, но я тогда тоже был на взводе и, кажется, наговорил ей лишнего. Так что Васенька собрала вещички, обозвала меня средством контрацепции и умотала в Москву.

– Ладно, не горюй! – Надя хлопнула Родиона по плечу. – Может, ещё наладится у вас...

– Да пошла она на хутор к матери, – спокойно сказал потомок кавалергарда. – Когда надо было отвадить мажорного наркота Дюшу, тогда был «милый Родичка». И мои методы убеждения были в самый раз. А теперь я, оказывается, «быдло». Только ссору с Серёгой, с которой вся фигня началась, затеял не я, а вельможна панна Любомирска...

...День вышел весьма насыщенным. Разместившись в гостинице, путешественники отправились завтракать, потом зашли к родителям Надежды, потом отправились закупать продукты в дорогу, а заодно экипировку для Насти, которая уехала из Москвы в чём была, потом Надя устроила гостям экскурсию по городу с заходом на пляж. Там Настя снова повеселила друзей видеосвязью с Семёном – на этот раз она рассказала, что её семья в полном составе отчалила к тётке в Тарусу. Перспективный менеджер был в игривом настроении и настаивал, чтобы Настя обнажила для него груди. Настя похихикала, назвала бойфренда «испорченным мальчишкой», вместо бюста показала язык и отключилась.

– Придурок больной, – проговорила она вполголоса. Спутники деликатно отмолчались.

Во время прогулки по городу общее восхищение вызвал рекламный плакат «ОТРУБИ ДЁШЕВО!», висевший на заборе при входе на рынок. Скорее всего, те, кто разместил этот плакат, не имели в виду ничего дурного и просто желали привлечь внимание покупателей к побочным продуктам мукомольного производства, реализуемым по низкой цене. Однако мужская половина экспедиции истолковала фразу, как определила Надя, «в меру своей испорченности», и радостно сфотографировалась под плакатом с ножами наголо.

Скоро и девушкам представился случай сделать забавное фото. Возле рынка возвышались три кирпичные пятиэтажки (а всего в Воскресенске домов такого типа было полтора десятка). На стене одной из них висела трафаретная табличка «ОСТОРОЖНО, СОСУЛЬКИ!». Жарким летним днём этот призыв звучал очень «своевременно». Надя и Настя потребовали, чтобы парни купили им по эскимо, и Петро пять минут так и эдак снимал на Настин планшет, как две юные красавицы ласкают мороженое язычками.

Неподалёку от гостиницы путешественники обнаружили чудо детской архитектуры – добротный «штаб», устроенный в развилке могучей сосны. Возле этой избушки на курьих ножках висела простыня с грозным предупреждением «Не фоткать!! Штраф 500 рублей!!!» Родион со смехом объяснил, что вчера Василиса полчаса выплясывала возле этого строения, снимая его со всех ракурсов, а малолетним домовладельцам, как видно, не понравилось такое назойливое внимание.

За обедом Родион обмолвился, что, собираясь в поход к заколдованному замку, он захватил с собой ружьё.

– Правильно, – серьёзно сказала Надия. – У нас, конечно, не тунгусская тайга, не бразильская сельва и не Дикий Запад, но с ружьём в лесу как-то веселее. Я бы своё тоже взяла, но...

– У тебя есть ружьё? – спросила Настя.

– Да не у меня. У отца. Он меня начал учить стрелять, когда мне было десять с небольшим. Вот только он мне ружьё не даст, беда-пичаль. Оно ж на него оформлено, а я всё никак не соберусь получить разрешение...

– Блин! Везёт же! А я вот в жизни не стреляла из чего-то настоящего! – вздохнула Настя.

Пётр тактично промолчал – его стрелковый опыт ограничивался духовушками в парковых тирах. И ему даже ни разу не посчастливилось «подстрелить» плюшевую зверушку, полагавшуюся метким стрелкам в качестве приза. Однако признаваться в оружейной девственности перед девчонками не хотелось. И он решил, что лучшая защита – нападение.

– Это не годится, – с преувеличенной суровостью сказал он. – Мы всё-таки собираемся не на пикник на лужайке. Насте надо потренироваться перед выходом. Да и мне... а то давно не практиковался.

– Легко, – кивнула Надия. – У нас тут есть старый глиняный карьер, отсюда семь – восемь километров. Можно туда съездить.

Идея устроить учебные стрельбы перед началом экспедиции была встречена с энтузиазмом. Через час выдавшая виды «девятка» высадила четверых ганфайтеров в романтической глуши. Получив гонорар, таксист развернулся и поехал обратно по просёлку, напоминая морю на картинах Айвазовского, а стрелки потопали к огневому рубежу.

– Красотища! – вырвалось у Насти.

– Ага. Постапокалипсис, – согласился Родион.

Заброшенный карьер и в самом деле был красив – странной, дикой и болезненной красотой. Его дно было испещрено буграми и рытвинами: в углублениях стояла зеленоватая вода, на возвышениях же росли мать-и-мачеха, дрок, полынь и лебеда, а кое-где и молодые деревца. Почти отвесные стены тридцатиметровой высоты окаймляли дно полуподковой. На обрыве росли сосны, и их корни торчали из глинистой стены, точно жгутики исполинской инфузории. С десятков сосен, сорвавшихся с обрыва, лежали внизу. Выбеленные солнцем и дождями, они были похожи на остовы морских чудовищ. Ещё три сосны готовились упасть – они опасно изгибались над обрывом, напоминая удочки в руках великанских рыбаков.

В заброшенном карьере было что-то ощутимо доисторическое. Культурный слой был скуден, и артефакты можно было пересчитать по пальцам. Покрышка от трактора «Беларусь», перержавевшая ось грузовика, несколько пластиковых канистр, кое-где поблёскивало битое стекло. Видно было, что люди бывают здесь не каждый день и даже не каждую неделю – место совсем не подходило для пикников и романтических свиданий. А для легкомысленных эпикурейцев, которым всё равно, где пить, карьер как место уединения тоже был неудобен, потому что находился слишком далеко от населённых мест.

Словом, это было идеальное стрельбище.

Ганфайтеры вчетвером расставили пустые канистры возле глинистой стены, и Родион выпустил три пули в крайнюю слева. Он бил с семидесяти шагов; одна за другой пули разнесли мишень вдрызг.

Зрители наградили удачного стрелка аплодисментами.

– Кто следующий? – спросил Родион. – Петруччо, снимешь крайнюю справа?

Петро хмыкнул, подумав, что вряд ли повторит достижение друга, даже если уменьшить дистанцию втрое. Однако отступать без боя не хотелось. Он принял двустволку и довольно ловко снарядил её. Посмотрел вверх ствола на мишени. Канистры, которые только что были как на ладони, теперь превратились в еле видимые пятна. «Ладно. Тут главное – поменьше думать. Стреляй сейчас, пока руки не устали – может, и попадёшь...» – подумал он и потянул спусковой крючок.

– Отставить! Не стреляй! – заполошно крикнул Родион.

– Что? – Петя обернулся и чуть не выронил оружие: перед ним стоял Родион с совершенно перевёрнутым лицом. Редко ему доводилось видеть друга настолько напуганным.

– Петро... – тихо проговорил Родион. – Дружище... не делай так больше!

– Ачё не так?

– К плечу приложи приклад. К ПЛЕ-ЧУ! Нахрен ты его НА ПЛЕЧО положил? Тебе же отдачей челюсть вынесет!

Поняв, что капитально свалил дурака и показал себя полным чайником в стрелковом спорте, Петро побагровел и медленно взял ружьё как полагается.

– Ближе подойди, – всё так же, вполголоса, сказал Родион. – Подойди, говорю. В первый раз тебе с двадцати метров надо ещё постараться попасть. А так ты будешь попусту патроны жечь и ничему не научишься.

– Ладно, ничего, – сглотнул опозоренный стрелок.

– Хм. Ну, как знаешь...

Почти ничего не видя перед собой, Петро высадил десяток пуль «в белый свет». От глинистого откоса взлетали красивые облачка пыли, но канистры оставались невредимы.

– Настя, будешь стрелять? – спросил он деланно-ровным голосом, хотя в душе был совершенно раздавлен неудачей.

– Будет, будет! Настя, иди сюда! – Родион подошёл к мишеням на тридцать метров. – Вот так, жми сильнее, не сломается. Вставляй патрон. Так, теперь смотри: приклад к плечу, поплотнее... Мушку не заваливай. Вот эта точка должна быть посередине. На спуск дави плавно. Выстрела не бойся. Не пытайся удержать отдачу – это бесполезно, да и не нужно. Когда ты чувствуешь толчок, пуля уже вылетела. Понимаешь?

Настя кивала.

– Петрушка, не загоняйся, я первый раз тоже в цель не попала, – прошептала Надия своему кавалеру, оскорблённому в лучших чувствах.

Петя фыркнул.

– Не фыркай, дурашка! Потренируешься, высадишь сотню-другую патронов и будешь стрелять не хуже...

Петро хотел что-то ответить, но тут раздался выстрел, а затем – ликующий вопль Насти:

– Я попала! Нес, йес, я попала! Родик, ты видел? Я попала!

– Ну вот, даже Настюшка стреляет лучше меня, – вздохнул Петро.

– Со вдвое меньшего расстояния, – напомнила Надия.

– Да, но она – девчонка!

– И чё? Раз девчонка, значит, низшая раса? Петенька, ты у меня сексист, я погляжу!

Следующий выстрел Насти был менее удачным – то, что называется, «ещё бы чуть-чуть – и попала бы точно!».

– Вот видишь!.. – сказала Надия.

Настя выстрелила снова, и третий выстрел, который она произвела в своей жизни, имел поистине апокалиптические последствия. Пуля ударилась о камень и с противным мяуканьем ушла куда-то вверх. Наверху послышался шорох, посыпались комки сухой глины.

– В сторону! Назад! – заорал Родион, хватая одной рукой ружьё, а другой – ошалевшую ученицу.

Они шарахнулись прочь от откоса – и вовремя. Оказалось, что большой пласт глины у самой кромки обрыва держался на честном слове, а Настина пуля сыграла роль той самой соломинки, что переломила спину истомлённому верблюду. Глиняная глыба весом в полтонны шевельнулась и с пугающей лёгкостью заскользила вниз по склону. Трах! – она ударилась о дно карьера и разлетелась, точно бомба. К счастью, за мгновение до её столкновения с поверхностью ганфайтеры успели перемахнуть большой бугор и наблюдали за происходящим из цветущей лужи.

Но разрушительная сила третьего Настиного выстрела ещё не была исчерпана. Упавшая глыба лишила опоры сосну, стоявшую на краю обрыва. Дерево зашаталось, надрывно заскрежетали, вырываясь из земли и лопаясь, обнажённые корни. Шумнув вершиной, сосна нырнула вниз и с треском ударилась о землю. Постояв секунды две в невообразимом положении, точно раздумывая, дерево пошатнулось налево и рухнуло плашмя.

По луже, в которой вынужденно принимали ванну ганфайтеры, пошла рябь.

– Валим отсюда... – слабым голосом произнесла Надия.

Повторять два раза не потребовалось.

Через полчаса водитель такси, которого вызвала Надия, с удивлением лицезрел двух парней и двух девушек в одном белье, с комьями грязной одежды в руках. У одного парня было ружьё, и несколько мучительных секунд таксист раздумывал, не лучше ли развернуться и дать по газам. Страсть к наживе переборола осторожность, и наши герои благополучно вернулись в гостиницу.

Вечером они сидели в двухместном номере Родиона, опустевшем наполовину из-за дезертирства Василисы, пили чай и со смехом вспоминали приключения, на которые были так богаты предшествующие дни.

– Всё, ребята, нам надо срочно валить из города! – хохотала Надия. – Если мы завтра до обеда не уберёмся, тут начнётся гражданская война и извержение вулкана!

Наутро экспедиция выдвинулась на маршрут. Надия побаивалась за Настю – девушку хрупкую и опыта походов не имевшую совершенно. Поэтому её, невзирая на протесты, предельно разгрузили, оставив в рюкзаке только её одежду, килограммовый пакет с гречкой, банку тушины и ещё какую-то мелочь.

Первый день похода прошёл вполне благополучно. Неофитка достойно выдержала испытание – не ныла, не хныкала, не требовала к себе повышенного внимания, но и не мешала своим более умелым спутникам, пытаясь доказать собственную искушённость. Словом, вела себя как примерная ученица. Зато Надежде пришлось выдержать не одну пикировку с мужской половиной экспедиции: парни были уверены, что ориентируются в незнакомой местности лучше, чем какая-то девчонка, а потому то и дело требовали внести поправки в маршрут. Три штурмана – это, как скоро выяснилось, похуже, чем три капитана. В результате путешественники заложили изрядный крюк и вышли к левому берегу водохранилища вместо правого, на котором Надия запланировала промежуточную стоянку. Левый берег – крутой и лесистый – меньше подходил для стоянки, чем луговой правый, но шагать лишние пять вёрст отчего-то никому не захотелось. Пошарив немного по лесу, путники нашли подходящую ровную площадку, от которой был удобный спуск к воде, и на ней разбили лагерь.

... Темнело. В кустах по соседству щёлкал запоздалый соловей. Настя лежала на коврике-«пенке», подложив руки под голову, и смотрела в тёмное небо, где одна за другой просту-

пали звёзды. Надия с удовольствием прихлёбывала чай из деревянной кружки и похрустывала сухарями. Пётр механически обламывал тонкие веточки до размеров спички и кидал на угли, наблюдая, как они вспыхивают.

Родион выволок из-под тента свой рюкзак и вытянул из него какой-то продолговатый предмет.

– Это что? – спросил Пётр.

– Похоже на сковородку со струнами, – оценила Надия, когда Родион вытащил странный предмет из чехла.

– Вы что, никогда банджо не видели? – удивился Родион.

– Видели, видели. Не такие уж мы тёмные, – ответила Надия. – Просто я не видела, чтобы ты на нём играл.

– Я учусь, – скромно ответил Родион. Надия многозначительно хмыкнула. – Но кое-что уже умею, так что ушки можете не затыкать.

Он сел, примостил «сковородку со струнами» на коленях, нацепил на три пальца правой руки пластиковые когти и извлёк несколько звонких и сухих звуков.

Настя, явно заинтересованная, села, обхватив руками колени. Родион улыбнулся и добыл из «сковородки» лихой мотивчик.

*– В Зурбагане, в горной, дикой, удивительной стране,
Я и ты, обнявшись крепко, рады бешеной весне... – запел он.*

Пел он средне: в *Teatro alia Scala* его бы не приняли даже за взятку. Но голос, слух и чувство ритма у него имелись, а для залихватской песенки в стиле Дикого Запада этого было более чем достаточно:

*...Если крикнешь – эхо скачет, словно лошади в бою;
Если слушаешь и смотришь, ты воистину в раю.
Там ты женщин встретишь юных, с сердцем диким и прямым
С чувством пламенным и нежным, бескорыстным и простым...*

Надия, которая поначалу скептически ухмылялась, потому что не подозревала у Родиона музыкальные таланты, поймала себя на том, что поддёргивает плечами в такт разудалой мелодии. Да и остальные тоже, судя по глазам, «завелись». Родион улыбнулся. Его пальцы порхали по струнам, то высекая резкие, задиристые аккорды, то вызванивали игривый перебор:

*...Если хочешь сердце бросить в увлекающую высь, –
Их глазам, как ворон черным, покоришь и улыбнешь!*

– Круто! – искренне сказала Надия, когда Родион подвёл итог несколькими трескучими аккордами, похожими на далёкие винтовочные залпы.

– А песня... Это ведь из Грина, да? – спросила Настя.

– Именно, – кивнул музыкант. – Был у меня в соплячем возрасте период увлечения его писаниной.

– А потом? – спросила Настя.

– А потом прошёл, вот и всё. Потом мои книжные предпочтения сменились, и я перешёл на Луи Буссенара.

– Читала, – кивнула Надия. – Слушай, Родик, сыграй ещё что-нибудь такое! Ты классно играешь, я после этого твоего Гарбузана...

– Зурбагана, – вежливо поправил Родион.

– Не важно. Я после него просто ожила, честное слово! Как у тебя это получается?

Родион самодовольно улыбнулся.

– Владика не хватает с его гармошкой, – заметил Петя. – Вот был бы готовый кантри-ансамбль.

– О нет! Только не Владик! – с неподдельным ужасом воскликнула Надия. – Он же маньяк! Ты что, забыл? Он через минуту разговора предлагает «что-нибудь сыграть» и, если не откажешься, будет полчаса насилловать уши своим скрипом. А откажешься – так сразу обида смертная! Он бы нас ещё на маршруте задолбал!

– Да уж, ну его! Я бы лучше взял напарницей какую-нибудь симпатишную скрипачку. Например, Мэгги из «Country Sisters», – размечтался Родион. – Пускай скрипит на скрипочке и задницей крутит.

– Эта американская сучка тебя взяла бы только сапоги чистить, – ответила Надия: ни одна нормальная девушка не потерпит, чтобы в её присутствии парни хвалили другую.

– Она не американка, а чешка, – сказал Родион, перебирая струны. – И она действительно классная скрипачка.

Надия презрительно фыркнула.

– А спой что-нибудь такое... лирическое, – неожиданно попросила Настя. – Или банджо для лирики не подходит?

Родион издал горлом странный звук и прихлопнул струны ладонью:

– Можно и лирическое, – он перебрал струны. Задумался на несколько мгновений...

*– Дева Бури, вестница печали,
Наяву – иль, может быть, во сне –
Из какой недостижимой дали
В этот вечер ты явилась мне?*

*Видел я, как в небе тёмно-синем,
Оседлав неведомую тварь,
Ты летела, голову закинув,
На закат, где дотлевал пожар,*

*Голубым окутанная светом,
Рассекала звёздные рои,
И хвостом взбесившейся кометы
Развевались волосы твои.*

*Смех твой, дерзкий, страшный и манящий,
Раздавался в тёмных небесах,
А внизу, в непроходимых чащах
Откликались волчьи голоса.*

*Пронеслась, оставив след белёсый
Медленно истаять в синеве.
Тьма ночная наступает косо,
Расстилая тени по траве.*

*В облаках и в омуте стоячем
Отзвук смеха звонкого дрожит.*

*Ты даруешь славу и удачу
Тем, кто головой не дорожит.*

*Дева Бури, вестница печали!
Не во сне, а точно – наяву
Ты придёшь. Тебя мы долго ждали,
И рубин прольётся на траву.*

*А когда закончится удача,
Сталь чужая подведёт итог,
Хлынет жизнь из жил рекой горячей
И земля рванётся из-под ног,*

*Снова ты предстанешь предо мною
В зыбком свете недалёких звёзд
И укажешь призрачной рукою
Мне дорогу на пурпурный мост.*

*Я уйду в неведомые дали,
На весёлый праздник – вечный бой,
Дева Бури, вестница печали,
Вечно очарованный тобой.*

Стихли переборы, и путешественники долго сидели в молчании.

– М-да... серьёзная вещица, – признала Надия. – А чьё это?

– Не помню, – соврал Родион. Он отлично знал, «чьё это», потому что сам сочинил стихи и придумал к ним музыку. Однако он опасался, что если признается в своём авторстве, то друзья станут неискренне хвалить его творчество – или, наоборот, примутся выискивать блох. Нет уж. Пусть принимают песню как есть...

– А Дева Бури – это валькирия? – предположила Настя.

– Судя по всему, – ответил Родион.

Путники снова замолчали. Родионова песня очень удачно легла на общее настроение, порождённое ясным тёплым летним вечером и безлюдными просторами вокруг, когда душу охватывает светлая грусть и томительно-сладкое предчувствие чудесного приключения.

На следующий день, поднявшись до света, кладоискатели закусили, свернули лагерь и пустились дальше в путь.

Они не знали, что за день им предстоит. Не знали, что в конце следующего дня им всем искренне захочется сдохнуть, а потом судьба не раз предоставит им такую возможность.

Глава 5. Добро пожаловать, гости дорогие!

– Эй! – крикнула Настя из-за раскидистой ивы. – Я, кажется, что-то нашла!

– Кажется, мы у цели! – пропела Надия, подойдя ближе.

Это были остатки мраморного моста, перекинутого через ручей. Годы не пощадили его: перила обрушились, арка потрескалась, и половина её лежала на боку в воде. Но вторая половина держалась на удивление надёжно, и путешественники, хоть и с великими предосторожностями, но перешли по ней на другой берег.

– Добро пожаловать, гости дорогие! – Надия просто светилась от счастья. – Что я говорила? Пришли как по ниточке! Вот она, усадьба Рудневых!

– Ты так уверена? – недоверчиво спросил Петя, хотя ему на самом деле очень хотелось, чтобы это была та самая усадьба. И чтобы в ней действительно водилась злобная нежить. И чтобы он всех героически спас...

– А что ещё тут может быть? Точно вам говорю, мы дошли! Теперь – вперёд и только вперёд!

– Вперёд, вперёд, а то кошка обдерёт, как говорил мой дедушка, – добавил Родион.

Лес, росший по ту сторону ручья, ничем не отличался от того, через который они только что шли. Через полчаса впереди замаячила прогалина, похожая на просеку. Но это была не просека, а старая-престарая мощёная дорожка. Когда-то она была выстлана большими плоскими шестигранниками (вытесанными из габбро-диабазы, как определила Настя), но время и природа взяли своё – плиты потрескались и искрошились, трава, грибы, кусты и местами молодые деревца медлительно и неумолимо теснили их. Плиты расползались в стороны, точно черепахи, а кое-где дыбились под неожиданными углами. Путешественники попробовали идти по дорожке, но вынуждены были отказаться от этой затеи: шагать по ней было ещё труднее, чем по лесу.

Надия вдруг остановилась, насторожилась и стала прислушиваться.

– Слышите? – она подняла палец. – Как будто вода шумит. То ли водопад, то ли фонтан.

– Води-ичка! Све-еженькая! Наконе-ец-то! Мы спасены-ы! – простонала Настя.

– Вперёд! – с улыбкой распорядилась Надия, и путешественники, стосковавшиеся по свежей воде, бодрым шагом устремились на шум источника.

Через несколько минут они вышли на круглую площадь, или, точнее, площадку диаметром десять метров. Каменные шестигранники, выстилавшие её, были изрядно трочены временем, но в меньшей степени, чем на аллее: плиты потрескались, из трещин и швов топорщилась трава, в одном месте рос куст калины, но деревья ещё не взломали кладку. В середине несколько плит были расколоты, и в том месте бил родник. Струя воды поднималась почти на полметра и радужным веером осыпалась на камни. Видно, площадка имела небольшой уклон, потому что вода стекала в ту сторону, где продолжалась аллея.

Обрадованные путешественники побросали рюкзаки и кинулись к роднику. Они подставляли ладони под струи чистой воды, пили, захлёбывались, обливались, брызгались, ловили струйки ртом, в итоге промокли до нитки и замёрзли – вода была почти ледяная – но это не убавило общей радости.

– Кстати! Вы заметили? У воды какой-то странный вкус! – сказала Надия.

– Урль... да, – пробублькала Родион. – Вроде бы сладкая... а вроде бы и нет.

– Просто она очень чистая, – высказала предположение Настя.

– Что значит «очень чистая»? Бидистиллят, что ли? Ну ты скажешь тоже, Настик! – усмехнулся Родион.

– А по-моему, она минеральная, – заметил Пётр. – И слегка газированная.

– Надеюсь, она не ядовитая, – резюмировала Надия. – И не радиоактивная.

– Шуточки у вас... – пробурчал Родион.

Утолив зверскую жажду и наполнив фляжки, путешественники подхватили рюкзаки и двинулись дальше вдоль мощёной аллеи.

– А непростая была водица, – сказал Петя.

– Думаешь? – спросил Родион.

– Уверен. Я как заново родился! Вспомни, сколько мы протопали, а я усталости не чувствую. Вообще! Будто только что из дома вышли!

– Просто пить хотелось, напился наконец, вот и всё... Хотя знаешь... У меня чувство, как будто... как после бутылки шампанского, если её целиком выпить, – признался Родион.

– Точно! – отозвалась Настя. – Только не смейтесь... как будто мир протёрли тряпкой от пыли!

– Кажется, дедушка Руднев подсыпал в водичку LSD, – со смешком резюмировала Надя. – Сейчас начнём прорицать и грезить.

– Внемлите мне, смертные: боги открыли мне истину! Было видение мне... – тоном пифии заговорила Настя. – Ой, блин! Я и вправду вижу! Что это со мной, а? – в её голосе звучал неподдельный испуг.

– Я тоже что-то вижу, – ровным голосом сказал Родион и взял наизготовку ружьё. – Вернее, не что-то, а кого-то.

– Где? – спросила Надя.

– Во-он там, видишь, что-то белеется. Вон, человек в кустах!

– Да это же статуя! – воскликнул Петя, приглядевшись. – Мать твою... извините, девчонки... это статуя! Всё точно, это усадьба Рудневых! Надюшка, я тебя люблю! – он подхватил свою подружку, и без того не лёгонькую, и крутнул её вместе с рюкзаком. Надя довольно взвизгнула.

– Вот! А вы не верили! – Надя подбежала к статуе, укрытой ветвями ивы. – Ой блин... уах-ха-ха! Родик, иди посмотри, с кем ты перестрелку затеял!

На цилиндрическом постаменте высотой в полроста человека стояла мраморная статуя Амура в натуральную, так сказать, величину. Это был не пухлый младенец, а ладный и сильный хлопец лет тринадцати, обнажённый, если не считать за одежду сандалии. Опустившись на одно колено, напружинив тонкие, но рельефные мышцы, он с хищной усмешкой натягивал лук. Мастер изваял его с нечеловеческой, немного пугающей точностью: казалось, это не статуя, вытесанная из мрамора, а заколдованный отрок, обращенный в камень.

– На дворе стоит статуя – у статуи всё на месте, – продекламировал Родион.

– Симпатичный мальчонка, – хихикнула Настя. Она погладила мраморного отрока по животу, затем запустила шаловливую ручонку пониже и довольно мурлыкнула. – М-м, классная штучка! Жаль, что ты весь каменный.

– Слышь ты, совратительница малолетних, – Надя хлопнула её пониже спины, – сбавь-ка обороты. У него уже есть подружка.

На противоположной стороне дорожки на таком же постаменте возвышалось изваяние Леды, играющей с лебедем. Прелестная юная девушка, прикрытая лишь распущенными косами, присев на корточки, тянула руки к лебедю – а тот застыл в горделивой позе, изогнув шею и раскинув крылья.

Дальше статуи стояли через каждые пятьдесят шагов. В зарослях бурьяна и кустарника таились лукавые нимфы и шальные козлоногие сатиры, герои и боги. Тут была Афродита, выходящая из пены во всей красе, Афина Паллада с копьём, в шлеме и в небрежно откинута на плечи плаще, Диана с луком и ланью, Геба с кувшином и кубком, Фортуна, одежда которой состояла из одной повязки на глазах, стоящая на колесе. Был Аполлон с луком и кифарой, одетый ещё более легко, чем на сторублёвой купюре. Был Геракл в шкуре киферонского льва, с палицей на плечах. Был Пан со своей свирелью, Гермес в крылатых санда-

лиях, Аид, держащий на сворке трёхголового пса, Дий-Зевс, сидящий на троне, с молнией в левой руке и с огромным орлом на запястье правой. Поразительно было мастерство ваятеля, изобразившего людей, зверей и птиц с анатомической точностью. Но ещё более удивительно было то, что статуи, двести лет простоявшие среди леса, нисколько не пострадали. Казалось, их только что со всеми предосторожностями вынесли из музейного хранилища.

– Как живые! – с испугом и восхищением говорила Настя.

– Ну почему же «как»? – осклабился Родион. – Они и есть живые! Это их земля, – прибавил он совершенно другим тоном, в котором не было и тени насмешки, – а мы сюда явились непонятно зачем. Они следят за нами. Оглянись, только быстро – увидишь, как они крадутся следом!

– Хочешь меня напугать? – прищурилась Настя.

– И в мыслях такого не было, – ответил Родион. – Оглянись, если не веришь.

В голосе Родиона было что-то такое, что заставляло поверить ему. На секунду. Настя не выдержала и оглянулась...

– Придурок! – Со злости на себя, на свой нешуточный испуг, Настя пнула шутника в голень.

– А ты повелась, повела-ась, трусишка! – злоехидно пропел Родион, отпрыгнув в сторону. – Только не пинайся так больше, ладно? Педикюр испортишь...

– Да я тебя!.. – Рассвирепевшая Настя бросилась на Родиона, и тот, не снимая рюкзака и ружья, с криками «Помогите, убивают!» ломанулся в лес, в сторону от дороги. Мстительница устремилась за ним. С минуту из леса доносился треск сучьев, выкрики Насти, сулящие насмешнику скорую и лютую кончину, и притворные мольбы Родиона о помощи. Надия и Пётр остановились и ждали завершения спектакля.

– Убью! Пусти! – закричала Настя. Через некоторое время придорожные кусты с хрустом расступились, и на аллею вышел Родион. Не один, а с неистово брыкавшейся Настей на руках.

– Ну вот, теперь убивай, – сказал он, поставив мстительницу на землю.

– Придурок! – повторила Настя. – Думаешь, здоровый, так всё можно?

– Не всё, – сказал Родион. – Некоторые вещи – только с твоего разрешения.

Пётр и Надия многозначительно переглянулись.

– Да? А я тебе разрешала меня хватать?

– Так ты ж меня убить хотела! Это законная самооборона!

– Придурок!

– Насть, повторяешься! – улыбнулась Надия. – Ну что, вы закончили разборки или как?

– Или как! – сердито ответила Настя. Она на всякий случай дулась на всех, особенно на Родиона. Потому что ей неожиданно понравилось, как он схватил её. И она ещё не решила – что с этим делать.

– Ну, тогда пошли, – распорядилась Надия.

Вскоре впереди замаячил просвет. Путешественники прибавили шагу, предвкушая новый сюрприз – и он не заставило себя долго ждать.

– Ни фиг-га себе! – выговорила Надия.

– Ага. Точнее не скажешь, – подтвердил её кавалер.

Аллея упиралась в пруд, точнее, бассейн – овальную мраморную чашу, похожую на устричную раковину, увеличенную до ширины в три десятка метров. С правой стороны, если смотреть от места, куда подошли путешественники, в бассейн впадали три ручья, бегущие по мраморным канавкам. Слева были сделаны ещё три канавки, убегающие вглубь леса. По ним из бассейна уходил излишек воды.

Подобно статуям, невредимо стоявшим среди леса, в который превратился одичавший парк, этот бассейн выглядел так, как будто за ним бережно ухаживали. Борта были ровными

и гладкими, вода – чистой и прозрачной. Вокруг бассейна было выложено из каменных плит кольцо шириной в несколько метров. Как и везде, плиты изрядно потеснила трава и кусты, но ходить по ним было можно – как по каменистому лугу.

– Лагерь будет здесь! – распорядилась Надия. – Тут и дрова, и вода, и солнышко светит, и ветерок обдувает.

Возражений не последовало, и через полчаса на пятачке, очищенном от бурьяна, стояли палатка и тент, а Родион раскладывал костёр.

– Ро-одик, да подожди ты с костром! – воскликнула начальница маленькой экспедиции. – Успеет ещё! Давайте искупаемся! – Она скинула куртку, сняла ботинки и элегантно вышла из штанов.

– Ой, и правда! – оживилась Настя. – А то как чушки ходим. Надь, пошли переоденемся...

– Вот ещё! Стану я портить себе удовольствие мокрыми тряпками! – фыркнула Надия и в мгновение ока скинула с себя всё до нитки. – Ммм! – Она с удовольствием потянулась, прижавшись к цыпочкам. – Наконец-то свобода! Ну что, кто ещё смелый? – Она окинула почтенное сообщество лучистым взглядом, развернулась, шлёпнула себя по бедру и рысцой подбежала к бассейну. – Ой, холодная! Ааа! Ой, нет, слушайте, водичка в самый раз! Давайте за мной! – Она резкими гребками выплыла на середину пруда, нырнула, вынырнула и засмеялась. – И ещё течение! Щекочет так! Как будто кто-то лапает, ха-ха! Как в джакузи!

– Шальная она у тебя! – подмигнул Родион, расшнуровывая берцы. – Смотри, отобьют... как Каролинку!

– Как Каролинку – вряд ли! – твёрдо заявил Петя.

– Да уж, – ответил неожиданно помрачневший Родион. – Не хотелось бы повторения...

– А, кстати, что случилось-то с тем придурком? Ты так и не рассказал...

– Забей! – Родион, на котором из одежды остались только часы и цепочка с жетоном, разбежался и с рёвом «Поберегись!» прыгнул в бассейн. Правильнее было бы сказать – «низринул»: с грохотом и плеском. Брызги окатили Петра и Настю, остававшихся на берегу. По поверхности бассейна загуляли волны. Надия, плескавшаяся на середине бассейна, засмеялась и закашлялась: волна захлестнула ей в рот.

– Класс! – гаркнул Родион, выныривая у противоположного берега. – Ну, что стоите? Ныряйте!

Петя торопливо разделся и нырнул следом. Он пожалел, что не захватил очки для подводного плавания: плавать с открытыми глазами он не умел, а посмотреть было на что. И на мраморное дно бассейна, пёстрое от бегущих пятен света и тени, и на прелести Надии, отливавшие жемчугом в неверном свете. Но тут мягкая сила подхватила его и упруго вытолкнула наверх, к ярким солнечным зайчикам на воде и хохочущей подружке.

– Догоняй! – крикнула Надия, брызнула ему в лицо водой и быстро поплыла прочь. Петя, смеясь, погнался за ней. Надия плавала быстро, однако, проплыв стремительным кролем метров десять, перевернулась на спину, лениво подгребая руками. Петя подплыл и «пришвартовался» рядом. Их руки переплелись пальцами.

– Ну, вы даёте! – сказала Настя. Она стояла на бортике – босая, без штанов, но в футболке.

– Ныряй, детка! Не бойся, не утонешь! – крикнул Пётр.

– Да я... ну... – Настя нерешительно стянула через голову футболку и осталась в одном белье.

– Не стесняйся, тут все свои! – подбодрила её Надия.

Настя вздохнула, набираясь решимости, несмело улыбнулась и расстегнула бюстгалтер.

– Ну не пяльтесь! – попросила она. Надия, Петя и Родион демонстративно отвернулись. Настя присела, стащила трусики и, ойкнув, соскользнула в воду.

– Ай! Уау! Прикольно, слушайте! – Она заскользила лёгким брассом к середине бассейна.

– Отличная водичка, да? – окликнул Родион.

– Нет... просто необычно так, плавать безо всего! – призналась девушка.

– Ты что, никогда голышом не купалась? – удивилась Надия.

– У-у. – Настя помотала головой. – Сколько себя помню, всегда в купальнике. С трёх лет. Мне даже как-то в голову не приходило...

– Несчастный ребёнок, – вздохнула Надия.

Просто так барахтаться в бассейне скоро надоело, и предприимчивая Надия сбегала на сушу за фрисби. Перекидываться тарелкой, удерживаясь на плаву, было забавно, однако нелегко. Поначалу снаряд то и дело улетал на берег, и тогда незадачливому ловцу приходилось вылезать из воды и шлёпать за ним. Все игроки по несколько раз получили тарелкой по лбу. Но всё это не мешало участникам экспедиции предаваться незамысловатому развлечению без малого полчаса. Потом Настя заявила, что она замёрзла. Тогда вся четвёрка вылезла из воды и улеглась греться на пенопластовых ковриках.

Как-то само собой получилось, что Петя с Надией устроились на некотором отдалении от друзей. Они лежали молча, наслаждаясь теплом и покоем. Потом Надин ладонь легла в ладонь её кавалера, и они крепко сплелись пальцами. Надия прерывисто вздохнула...

– ...Феерично! – выдохнула Настя. Она лежала на животе, подложив руки под подбородок.

– Что? – улыбнулся Родион. Он ненавязчиво развернул свой коврик рядом с ней.

– Ну-у... вот это всё. – Настя приподнялась и обвела рукой вокруг. – И поход, и вот это... Тут ведь людей не было лет двести, так?

– Во всяком случае, ближайшие лет десять тут никого не было, – уверенно заявил Родион.

– Вот. А статуи целы, и бассейн тоже. Забавно, да? Как будто вправду зачарованное королевство!

– Сейчас во-он из-за того бука покажется королева фей, верхом на белом единороге, и строго спросит: «Кто полоскался в моей ванне?»

...Петя и Надия самозабвенно целовались...

...Настя захихикала:

– Ага! Безголовая фея с пистолетом!

– Типа того!

– Это было бы забавно. Но здесь, конечно, нет ни фей, ни духов. – Она вздохнула.

– Не знаю насчёт духов, но феи тут водятся, – сказал Родион.

– Да-а? – притворно удивилась девушка. – Где ты их тут нашёл?

– Самая прекрасная фея сейчас возлежит рядом со мной.

Родион подумал, стоит ли её потрогать... и решил не спешить.

– Ой, ой, ой, какие комплименты! Я просто теряю голову... – И тут она с особой отчётливостью осознала, что валяется нагишом рядом с посторонним парнем... и ей это ПРАВИТСЯ! Она услышала шорох слева, приподняла голову и увидела, как Петя с Надией, не потрудившись что-то накинуть на себя, но прихватив коврик, удаляются в сторону леса. Вернее, в сторону более густых зарослей – тут везде лес. А это значит, что она остаётся с Родионом фактически наедине. И...

– Ты сильно замёрзла? – неожиданно спросил Родион. Спросил как-то... совсем просто, без намёка. Как будто в их совместном голом «возлежании» не было ничего особенного.

– Немножко. Уже почти отогрелась, – ответила Настя. И добавила неожиданно для самой себя. – Сделай мне массаж, Родик.

Родион улыбнулся и привстал на колени. Настя с удовольствием вытянулась и совсем чуть-чуть (и вовсе не специально!) развела ножки. Ладони Родиона заскользили по её телу. Настя аж замурлыкала от чувственного удовольствия, от одновременного ощущения умиротворения и будоражащего веселья. Как будто тёплая и сильная волна затопила её сознание, смахнув все сомнения и тягостные мысли, как весеннее половодье слизывает неряшливые ноздреватые сугробы. Как там у Грина? *«Там, в реках и водопадах, словно взрывом, сносит лед; Синим пламенем разлива в скалы дышащее бьет...»* Синим пламенем... как его глаза... Она легко вздохнула и перевернулась. Он смотрел ей в глаза и улыбался. Она прикрыла глаза, приоткрыла ротик и подалась навстречу...

– ...Ну ты и бешеная! – выговорил Родион. Слова дались ему с трудом. Оба тяжело дышали, как после скачки галопом – впрочем, так оно отчасти и было.

Настя лукаво улыбнулась:

– С кем поведёшься! Я думала, у меня сердце выскочит! А Василису ты так же...

– Василиса забыта! – строго сказал Родион.

– Уже-е? Молодой человек, ваше легкомыслие меня поистине ужасает!

– Да кто бы говорил! – ответил «легкомысленный молодой человек».

– А... а я... А я вообще ни при чём! Я честная девушка! Воплощённое целомудрие и ходячая благопристойность! Это всё ты... мерзкий совратитель! – и она шутливо ударила «совратителя» кулачком в грудь. «Совратитель» рассмеялся и привлёк её к себе, ловко закрыв рот поцелуем. Одна рука его при этом легла на мягкое место честной девушки и естественным движением проскользнула чуть ниже.

Честная девушка попыталась возмутиться, но протестующее мычание быстро перешло в призывный стон.

– Родичек... я ещё хочу... – прошептала она.

– Я тоже, – тихо ответил он.

Второй раз всё прошло медленнее и нежнее – утолив первый голод, влюблённые смаковали друг друга и новые ощущения. Сидя верхом и закинув руки за голову, Настя неторопливо покачивалась вверх-вниз, вперёд-назад. Движения становились всё быстрее, потом она почувствовала руку Родиона, нежно прикасавшуюся к её животу пониже пупка, ещё ниже, ещё – и скоро она, не в силах сдерживать крик наслаждения, обессиленно опустилась на грудь парня.

– Я всё, – сказала она. – Теперь делай, как хочешь.

Но, конечно, скоро выяснилось, что она ещё далеко не «всё». И прошло немало времени, когда они, совершенно успокоенные, растянулись на ковриках.

Они лежали на правом боку, Настя – спиной к Родиону, закинув левую ножку поперёк его бёдер. В какой-то момент она словно увидела себя со стороны. «Ну и сучка же ты, Настенька! – усмехнулась она про себя, – Маленькая похотливая шлюшка».

– Не наговаривай на себя, ты прелесть, – вполголоса сказал Родион.

– Что? Ах ты... – Она поняла, что «думала» вслух, и не нашла ничего лучше, чем ткнуть Родиона локтем в живот. Родион прижал её руки к телу; некоторое время они, хохоча, шутливо боролись, но в итоге Настя оказалась наверху.

– Да, маленькая похотливая шлюшка! – кривляясь, проговорила она. – И сучка! А мне это нравится. Вот вернёмся домой, и я опять буду правильной пай-девочкой.

– А с кем ты будешь, пай-девочка? Со мной или... – не договорил Родион.

– А ты хочешь, чтобы я была с тобой? – вопросом на вопрос ответила девушка.

– Хочу, – ответил Родион.

– Я тоже. – Настя слезла с него и прилегла рядом. – Ты мне всег... давно нравился. Но у меня был Семён... а вокруг тебя постоянно какие-то девчонки крутились.

– Ну, лучше поздно, чем никогда, – несколько невпопад ляпнул Родион.

– Да, наверное, – задумчиво покивала Настя. Некоторое время она сидела молча, обхватив колени и о чём-то размышляя, потом вскинула голову. – Пошли купаться! Я быстрее тебя, тюлень ленивый! – крикнула она, стремительно вскакивая на ноги.

Она опередила Родиона не намного. В бассейне она попробовала поиграть с ним в догонялки, но довольно быстро была поймана.

– Попалась, золотая рыбка? – спросил Родион.

– Это ещё посмотрим, кто попался! – самодовольно ответила «золотая рыбка».

Скоро вернулись Надия с Петей: оба – с листьями в волосах, потные, усталые, но исключительно довольные жизнью. Не говоря ни слова, они плюхнулись в бассейн.

В этот раз купание не затянулось: едва окунувшись, молодые люди почувствовали, что хотят есть.

Нет, не есть, а ЖРАТЬ.

– Капслоком и жирным шрифтом! – подчеркнула Надия.

Путешественники вылезли из гостеприимной «раковины», кое-как оделись и принялись готовить обед. Настя старалась помогать всем во всём, но мысли её витали где-то далеко. В результате она своротила треногу, и котелок, куда засыпали крупу для каши, опрокинулся в костёр.

Несколько секунд все молчали. Бедная Настенька покраснела до слёз. Родион вытаращенными глазами смотрел на растекающуюся по каменным плитам горячую воду, смешанную с крупой и угольками, и вдруг буквально покотился со смеху. Вслед за ним заржали Надия с Петей.

– Ну вот, я опять всё испортила! – плача и смеясь, воскликнула виновница.

– Настенька, солнце моё... – простонала Надия, – вот котелок, а вон там ручеёк. Да, вот такой получился стишок. Принеси воды и больше не греши. Обуйся только, а то я тут на сучок накололась, думала – всё, трындец, отсюда меня потащите на руках.

Со второй попытки каша сварилась без приключений.

После обеда члены экспедиции продолжили исследования загадочной усадьбы. За небольшой рощицей, поднявшейся на другом берегу бассейна, нашёлся барский дом. Вернее, то, что от него осталось – кирпичный фундамент с двумя открытыми коробками подвалов. С внешней стороны фундамент был облицован мраморными пластинами. Ещё было мраморное крыльцо с двумя львами, разинувшими пасти в беззвучном рёве. Петя оживился, включил металлоискатель, взятый напрокат у повзрослевшего охотника за кладами, и исследователи пару часов лазали по подвалу и бродили вокруг дома. Металлоискатель переходил из рук в руки. Первой, кому улыбнулась удача, была Настя. Она нашла медный екатерининский пятак: безбожно позеленевший, потёртый, но ведь настоящий! Кладоискательница визжала и прыгала от восторга, а потом кинулась на шею Родиону.

Вдохновлённые первой находкой, ребята продолжили поиски. Удалось отыскать ещё несколько монет, в том числе пару серебряных, две оловянные пуговицы и медный браслет. Главным добытчиком оказался Петя – он нашёл двузубую серебряную вилку. Самое смешное, что для этого ему не потребовался прибор: он бездумно откатил с дороги камень, под которым, как выяснилось, она и лежала. Вилка немного погнулась и потемнела, но это были мелочи. Счастливый охотник преподнёс трофей своей возлюбленной, за что был награждён чувственным поцелуем под аплодисменты Насти и Родиона.

Вот только золотые слитки и россыпи червонцев, которые, по слухам, чеканили в своём имени Рудневы, упорно не попадались нашим кладоискателям. То ли их ещё в незапамятные времена упёрли более находчивые предшественники, то ли чёртово золото, как полага-

ется, не давалось в руки тем, кто не знает Слова. А может, рассказы о рудневском золоте вообще были выдуманы от начала до конца.

За этими занятиями незаметно наступил вечер, и четвёрка искателей приключений вернулась в лагерь уже в полной темноте.

...Уютно потрескивал костёр, время о времени выбрасывая вверх снопы искр. Невдалеке покрикивали совы, которые вылетели на ночную охоту, нимало не смущаясь вторжением людей. Под тентом, на заботливо расстеленной Настиной накидке от дождя, лежал металлоискатель. Рядом с ним были разложены находки, в том числе обрывок ржавой цепи с остатками ошейника. Пётр, который нашёл этот артефакт в подвале под кучей гнилых листьев, с жаром доказывал, что они на правильном пути: несомненно, это цепь, на которой сидел невольник, работавший на потайном монетном дворе Рудневых. Ведь не станут же господа сами марать ручки чёрной работой! Наверняка, подговорили какого-нибудь бродягу или беглого каторжника, соблазнили лёгкой и денежной работой, да и засадили на веки вечные штамповать червонцы.

Версия, что и говорить, была слабенькой, но в неё все поверили. Родион исключительно для самоутверждения заметил, что если бы это было так, то нашлись бы и остатки станка, и кости работника – если конец дома Рудневых и в самом деле был таким романтическим и внезапным, как гласит легенда. Но в глубине души он тоже согласился с Петькой. Всё-таки всем очень хотелось, чтобы легенда оказалось правдой. И ещё хотелось найти золото – настоящий драгоценный клад, вроде тех, о которых давным-давно читали в приключенческих книжках. К тому же образ злосчастного фальшивомонетчика – косматого, бородатого, одетого в тряпье, истощённого и почти утратившего рассудок от горя и безысходности – сильно подействовал на воображение путешественников. Каждый невольно примерил эту участь на себя. А ты – да, конкретно ТЫ – смог бы так? Смог бы жить вот так годами, покорно работать на того, кто лишил тебя свободы, общества людей и самого солнечного света? Не проще ли взять и прервать это бессмысленное прозябание?

– Не знаю. Я бы отколупнул хоть кусочек камешка, заточил бы и вскрыл артерии, – сказал Родион. – Лучше уж сразу подохнуть, коли ясно, что жизнь кончилась. А гнить заживо в подвале и работать на какого-то ублюдка – ну его нах.

– Так надо головой думать и не попадаться, – ответил Пётр.

– Хэх!.. Тут думай, не думай... Есть такое явление. Называется «shit happens». Выпил ты в корчме пивка с хорошим человеком, да и сомлел. А очнулся – уже в подвале, на цепи. Вот тебе печка, вот станок. Вот в этом тигле плавить слитки, вот сюда зальёшь расплав, потом повернёшь вот этот рычаг. Потом рычаг повернёшь эдак, выберешь червонцы, ссыпешь их в этот лоток. И так далее...

– Ты так рассказываешь, будто всю жизнь сам этим делом занимался, – заметила Надя.

– Ха, я и сейчас этим занимаюсь! – хохотнул Родион. – Ловлю по вокзалам бомжей и гастеров, подпаиваю и – в подвал, к станку.

– Уау! Настюх, тебе повезло! Родик у нас – подпольный фабрикант! Правда, по нему это не очень заметно!

– Ну, я же подпольный фабрикант! – отпарировал Родион, сделав ударение на слове «подпольный». – Для всех я – скромный студент из простой семьи. А так у меня всё, как полагается: яхта, остров с пальмами...

– ...вечеринки с коксом и трансвеститами, – продолжил Петя.

– Нет, транс – это отстой, – задумчиво ответил Родион.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.